ДБ
350
Г43
Гессен, С
Мятежники
1820 г.
М., 1935

ДБ
350
Г 13

ДЕШЕВАЯ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

С. Я. ГЕССЕН

МЯТЕЖНИКИ 1820 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН
1935

КНИГИ:

ДЕШЕВАЯ
ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

1934 г. № 14—15

ДБ
350
Г43

С. Я. ГЕССЕН

МЯТЕЖНИКИ 1820 ГОДА

ОБ'ЕДИНЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
И. К. П.
161798

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
МОСКВА—1935

ДЕШЕВАЯ
ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА
1934 г. 14—15 (408—409)

М. М. Константинов
Ответственный редактор [redacted]
Техн. редактор М. Масляненко

Сдано в набор 20/XI 1934 г.
Подписано к печати 1/II 1935 г.

Формат бумаги 72×105, 1/32
2 5/8 печатн. лист. В 1 печ. л. 60.000 знаков.
Издат. № 177. Тип. наряд № 688

Тираж 10.000 экз.
Уполномоченный Главлита Б 2788

Отпечатано в типо-лит. им. Воровского
Москва, ул. Дзержинского, 18

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

I

16 октября 1820 г. в самом сердце империи — в Петербурге — произошло событие, беспримерное в летописях истории русской армии: взбунтовался один из старейших полков императорской гвардии, непосредственно предназначенной для защиты основ феодально-крепостнического строя и олицетворявшего этот строй самодержавного монарха.

2 ноября 1820 г. дан был «высочайший приказ» российской армии, составленный лично царем. «К прискорбию моему и целой армии извещаю ее о постыдном происшествии, случившемся 17 октября в лейб-гвардии Семеновском полку... Российская армия, сверх приобретенной незабвенной славы на поле чести, с первейших времен ее образования всегда была примером верности, соблюдения священной клятвы и неприкосновенного повиновения своему начальству... Святость законов и честь имени российской армии требуют, дабы состав полка, оказавшего столь нетерпимое своеволие, был уничтожен. Вследствие чего, с непоколебимою решимостью, но с душевным сокрушением и не останавливаясь чувством моей личной привязанности к сослуживцам, по необходимости долга, на мне лежащего, повелеваю: всех нижних чинов лейб-гвардии Семеновского полка распределить по разным полкам армии, дабы они, раскаясь в своем преступлении, потщились продол-

жением усердной службы загладить оное... Российское же войско довольно заключает в себе много храбрых воинов, достойных занять место в лейб-гвардии Семеновском полку».

Читая этот приказ вел. князю Николаю Павловичу, царь плакал. Еще через три дня он горько жаловался Аракчееву: «Известно несчастное, но в то же время постыдное приключение, случившееся в Семеновском полку. Легко можно вообразить, какое печальное чувство оно во мне произвело. Еще печальнее, что случилось в гвардии, а для меня лично еще грустнее, что именно в Семеновском полку».

Император Александр I, зарекомендовавший себя изрядным комедиантом, на сей раз плакал совершенно искренно. «Несчастное происшествие» в Семеновском полку ознаменовало такие горькие истины, такую реальную опасность, которая и точно могла выжать слезы из «царственных» очей «покорителя Европы». Для того, чтобы понять сокровенный смысл этого события, надо прежде всего вкратце познакомиться с историей и характерными, отличительными чертами л.-гв. Семеновского полка.

Семеновский полк был не только одним из двух старейших полков императорской гвардии. Ему, наряду с Преображенским полком, принадлежала первенствующая роль в организации русских вооруженных сил, той петровской регулярной армии, которая завоевала Российской империи балтийские порты, тем самым открыв русским сельскохозяйственным продуктам и изделиям кустарной промышленности удобный путь в Западную Европу.

Строение всякой армии, т. е. вооруженной организации, служащей главным орудием классовой

диктатуры, определяется степенью развития классового общества и государства, видоизменяясь сообразно с перестановкой классовых сил. Устарелая организация вооруженных сил московского царства, с их поместными войсками и русскими полками иноземного строя, уже не соответствовала новым насущным потребностям государства конца XVII века. И это привело к тому, что из детской забавы маленького царя выросла новая регулярная армия.

В 1683 г. Петр I, более всего любивший воинские забавы, собрал несколько десятков дворянских юношей и создал из них «потешное» войско. Собственно, потешного в этом войске ничего не было и называлось оно так с тем же основанием, что и потешные дворцы, потешные лошади, потешные мосты и т. д., служившие для «потехи» юного царя. «Потеха» эта во всяком случае была совсем не детской. Скованные строжайшей дисциплиной, потешные войска усердно и неустанно обучались подлинному военному искусству. Расположены они были в селе Преображенском, близ Москвы, на берегу р. Яузы. Через несколько лет число потешных настолько возросло, что они уже не умещались в Преображенском, и часть их была переведена в соседнее село Семеновское. Отсюда и пошли Преображенский и Семеновский полки, получившие эти наименования в 1695 г. и тогда же названные лейб-гвардией.

Деятельно участвовав до 1820 г. в полусотне походов и сражений, Семеновский полк снискал громкую бранную славу, оправдав девиз, выгравированный на полковых знаменах: «Сим знаменем победиши». Уже в 1698 г. гвардейские полки закрепили свою воинскую славу подавлением стрелецкого восстания. В 1700 г., в первой несчастной

встрече с неприятелем под Нарвою, когда царская армия была наголову разбита, только семеновцы и преображенцы спасли ее от совершенного уничтожения, приняв на свою грудь сокрушительные удары лучших шведских войск. Петр I велел выгравировать на нагрудных знаках обер-офицеров обоих гвардейских полков знаменательную дату: «1700 года, ноября 19-го». Это был первый знак военного отличия в царской армии. В 1702 г. оба полка осадили шведскую крепость Нотенборг и после тяжелой осады овладели ею. Петр I придавал исключительное стратегическое и экономическое значение овладению этой крепостью, охранявшей доступ к Балтийскому морю и защищавшей всю тогдашнюю Ингрию (нынешнюю Ленинградскую область). Ингрия в то время служила средоточием корабельного леса, необходимого для создания русского флота. Крепость была переименована в «Шлиссельбурх» — «ключ-город», ибо, по выражению Петра, «сим ключом много замков отперто». Рядовые гвардейцы в память этого счастливого события получили медали для ношения на мундирах. В следующем году гвардия овладела городом Ниекшанцем, и на завоеванных ею землях возникла новая столица. Не прошло и года, как гвардейские полки отправились в новый поход на Нарву. Первыми из всей армии гвардейцы бросились на городские укрепления и овладели городом. Знаменитое полтавское сражение вызвало новый дождь милостей: штаб и обер-офицерам были подарены царские портреты и золотые медали, рядовым не в зачет — годовое жалование и серебряные медали.

И так, год за годом, кампания за кампанией, все новые победы и новые милости источаются на

семеновцев. В царствование Александра I они участвуют во всех войнах, кроме персидской и турецкой, и — заключительный аккорд: 17 августа 1813 г. в бою под Кульмом семеновцы вместе с преображенцами в течение многих часов удерживают мощный натиск целого корпуса Вандамма, за что получают георгиевские знамена.

Когда революция открыла царские архивы, мы научились очень критически относиться к той официальной казенной истории, которой самодержавие во все времена подменивало действительность, прикрывая ею свои язвы и неудачи. Мы хорошо знаем, как часто за победными реляциями скрывался позор поражения. Знаем и то, что этих поражений было много больше, нежели побед. «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость», сказал И. В. Сталин. Блестящие победы семеновцев, якобы не знавших поражений, требуют еще хорошей проверки. И за боевые ли заслуги получали семеновцы свои золотые медали и георгиевские знамена, либо же все эти награды вызывались политической потребностью во что бы то ни стало создать из царской гвардии победоносную и грозную когорту (последнее, конечно, вероятнее), — выяснение этого вопроса не столь существенно. Важно подчеркнуть, что именно Семеновский полк являлся показательной воинской частью, посредством всемерного выпячивания и восхваления которой должен был подниматься и укрепляться авторитет всей русской армии.

Это был вместе с тем и наиболее привилегированный полк, о чем можно судить уже по одному тому, что в нем начинали службу под солдатским кивером генералиссимус Суворов, будущие генерал-фельдмаршалы: кн. М. М. Голицын, гр. С. Ф.

Апраксин, кн. А. А. Прозоровский, гр. И. П. и Н. П. Салтыковы, Григорий и Алексей Орловы, будущий государственный канцлер гр. Н. П. Румянцев, Денис Фонвизин, И. И. Дмитриев, будущий министр императ. двора князь П. М. Волконский и множество других будущих громовержцев и «вершителей судеб» Российской империи. Рядовой состав Семеновского полка, как и всей гвардии, комплектовался исключительно дворянской молодежью, для которой эта солдатская служба в отборном войске являлась неминуемым этапом на пути к первому офицерскому чину[1]. Долженствовавшая служить образцом для остальных войск и формировать в своих рядах командный состав для армейских частей, гвардия в военное время должна была играть роль последнего и решающего резерва. Опять приходится повторить, что точно ли гвардейские полки, и в частности Семеновский, обладали какими-то исключительными воинскими качествами, трудно сказать, да это и не столь существенно. Энгельс зло иронизировал над тем, что «в каждой европейской армии имеется гвардия, которая претендует на то, чтобы быть ее избранной частью, но в действительности лишь состоит из наиболее высоких и широкоплечих людей, каких только можно было достать. Русская и английская гвардии особенно отличаются в этом отношении, хотя ничем не доказано, что они превосходят храбростью и успешностью другие полки соответствующей армии».

Однако основное назначение гвардии заключалось все-таки в личной охране самодержца, и эта-

[1] Только во время военных действий, в случае крупных потерь, допускалось укомплектование гвардейских полков отборными армейскими солдатами и рекрутами.

то непосредственная задача толковалась весьма распространительно балованными гвардейцами. Социальный состав гвардии сыграл огромную роль в оформлении ее как политического целого. Отпрыски командующих классов, все эти Голицыны, Салтыковы, Орловы, и под ружьем сохраняли, конечно, чувство социальной связи с правящей верхушкой и неизменно проявляли непреодолимую склонность вмешиваться в государственные дела.

Все дворцовые перевороты XVIII века осуществлены были штыками избранных царских телохранителей, являвшихся непререкаемой силой, низвергавшей одних императоров и помогавшей другим, своим ставленникам, всходить по окровавленным ступеням трона. В этом отношении особенно характерна история создания третьего гвардейского пехотного полка, Измайловского, который был сформирован императрицей Анной Ивановной в 1731 г. со специальной целью противостоять притязаниям верховников, опиравшихся на старую петровскую гвардию — Преображенский и Семеновский полки.

Без особенного преувеличения можно сказать, что в XVIII в. престол освобождался и замещался гвардией.

Первые десятилетия социальной борьбы XVIII в. в Петербурге прошли под знаком дворцовых переворотов, и это вполне объяснялось военно-дворянским характером новой столицы. Заключительный акт дворцовой камарильи XVIII в. — убийство императора Павла 11 марта 1801 г. — уже не имел специфических черт гвардейского мятежа. К этому времени, как мы убедимся в дальнейшем, рядовой состав гвардии подвергся довольно резкой демократизации. И заговорщики 1801 г., представ-

лявшие интересы ущемленных Павлом высших придворных и военных кругов, не только не рассчитывали на поддержку солдатской массы гвардии, а скорее опасались ее сопротивления.

Не верил в сочувствие гвардии свержению Павла и сам Александр Павлович, долго не решавшийся поэтому дать свое согласие на осуществление переворота. Исходя из этих опасений, переворот задуман был не в форме триумфальной демонстрации, с новым кандидатом на престол во главе, как это бывало прежде, а в форме ночного налета, связанного с немедленным физическим уничтожением царя. И все-таки Александр долго колебался, не будучи уверен в благополучном исходе переворота. В конце же концов, что для нас чрезвычайно важно, он связал успех своего дела все с тем же Семеновским полком.

В разрозненных отрывках неоконченной X главы «Евгения Онегина» читаем такие строки:

Потешный полк Петра-титана,
Дружина старых усачей,
Предавших некогда тирана
Свирепой шайке палачей...

Это — намек на тот уже в то время всем известный факт, что Александр дожидался, когда придет очередь семеновцев вступить в караул в Михайловском замке, и тогда только дал разрешение произвести переворот. «Старые усачи» доверие оправдали полностью. Таким образом, отмеченная выше подчеркнутая привязанность Александра к Семеновскому полку имела весьма серьезные основания.

Но прежде, нежели говорить об этом, следует отметить другой, весьма существенный факт: одним из первых мероприятий Павла I явилось вне-

дрение в гвардейские полки собственных его войск, пресловутых «гатчинцев». В частности и в Семеновский полк введены были два гатчинских батальона. Социальный состав гвардии тем самым утратил свою почти абсолютную выдержанность, стена кастовой ограниченности дала первую трещину. А вскоре после того она и вовсе рухнула вследствие полного отказа высшего командования от принципа комплектования гвардии дворянскими отпрысками. Впредь царские телохранители вербовались из отборнейших армейских солдат.

Реформа эта практически предопределялась указами 1762 и 1785 гг., освобождавшими дворянство от обязательной военной службы, следствием чего явилось значительное сокращение контингента служилой дворянской молодежи. Но, конечно, несравненно большее значение имело стремление локализовать преторианские наклонности гвардии, которыми могли и впредь пользоваться отдельные претенденты на трон. И сам Александр I, как мы уже знаем, опирался при перевороте на Семеновский полк.

В сложной политической обстановке павловского царствования наследнику престола необходима была какая-то опорная база, и таковой он избрал Семеновский полк, шефом которого назначил его отец. Официальные полковые историки свидетельствуют о теснейшей связи, существовавшей в эти годы между Александром и его полком. Семеновцам наследник посвящал не только все свои служебные часы, но и короткие досуги, вникая во все мелочи полкового управления, запросто держась с офицерами и «отечески-милостиво» с солдатами. При переводе лучших и красивейших солдат из армии в гвардию Александр, даже уже будучи императором, лично отбирал людей в свой

любимый полк. Из дворца наследника на Семеновские казармы источался поток беспрерывных милостей. «Высочайшие» благодарности, всевозможные награды, денежная помощь, исключительно терпимое отношение к проступкам офицеров и солдат — такова та стройная система заигрывания и обольщения, которыми так назыв. «великий» князь завоевывал преданность полка. Для этой цели он использовал и свою семью: «великие» княгини Елизавета Алексеевна и Анна Федоровна (жена Константина) тоже оказались втянутыми в игру Александра с семеновцами. В приказах по полку «августейшего шефа» и в записках его к полковому командиру нередко встречаются нарочито подчеркнутые свидетельства интимной близости семеновцев с семьей «великого» князя.

«Штабс-капитана Мазовского 2-го и поручика Чубарова следовало бы арестовать, но жена моя просит за них, и поэтому прошу объявить, что снисхождение это они должны заслужить». Или: «Рядовые, найденные сидящими на часах, от взыскания освобождаются по просьбе великой княгини Анны Федоровны».

Александр охотнее и чаще всего носил семеновский мундир. При посещении полка он щеголял знанием по фамилиям большинства нижних чинов. Из всех гвардейских полков только один Семеновский пользовался особым преимуществом, заключавшимся в том, что каждый вечер дежурный по полку капитан, отрапортовав полковому командиру о состоянии полка, отправлялся с таким же рапортом к императору.

Все это в итоге привело к тому, что Семеновский полк превратился в опорную базу наследника. И не только в вопросах высокой политической

важности, но и в чисто житейских делах. Существует, например, такой рассказ. Александр, будучи наследником, постоянно нуждался в деньгах. Полковой командир, Недоброво, предложил ему воспользоваться для покрытия своих расходов полковой казной, весьма значительной в то время. Александр «изволил изъявить свое благоволение, сказал, что никогда не забудет сделанной услуги и что со временем возвратит деньги. Вероятно, так как полк впоследствии не нуждался оными, взятые не были возвращены».

Но семеновцы, и не получив от Александра своих денег, не остались в накладе. Недаром Александр любил говорить: «Преображенский полк — это царский полк, а Семеновский — мой». Поток милостей продолжал изливаться на полк и до и после того, как 11 марта 1801 г. Павел был задушен у себя в спальне, а великий князь Александр Павлович стал императором Александром I, семеновцы достойным образом отблагодарили своего шефа.

II

Тесная и интимная связь царя с Семеновским полком обеспечивала этому последнему исключительное положение. Командиром полка после окончания войны с Наполеоном назначен был генерал-адъютант Потемкин, человек во многих отношениях примечательный. Большой любитель роскоши, известный столичный щеголь, одевавшийся с изысканностью светской кокетки, он вместе с тем принадлежал к числу образованнейших людей своего времени, будучи почетным членом Оксфордского университета и доктором прав, — факт более чем редкий в среде гвардейского командования той поры. Неразлучный спутник Ми-

лорадовича, Потемкин стяжал громкую славу в сражении под Кульмом, где у Гелленберга, благодаря его мужеству и распорядительности, спасена была гвардейская артиллерия. Полк получил за Кульм, как выше сказано, георгиевские знамена, а на самого Потемкина просыпался град русских, австрийских и прусских знаков отличия.

Состав семеновских офицеров значительно отличался от офицерского состава других полков. Официозный историк М. И. Богданович, менее всего склонный к идеализации семеновских событий, тем не менее вынужден был признать, что семеновские офицеры, «люди лучших фамилий, соединенные дружбою и товариществом, основанными на взаимном уважении, занимались большею частью серьезным чтением или обучением грамоте своих солдат и лишь изредка посещали общество. Офицер, появившийся в шустерклубе или в каком-нибудь другом неприличном месте, либо позволивший себе сколько-нибудь предосудительный поступок, был бы тотчас удален из полка обществом товарищей».

Имена многих тогдашних семеновских офицеров хорошо нам знакомы по участию их впоследствии в заговоре декабристов. С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, кн. С. П. Трубецкой, П. Я. Чаадаев, И. Д. Якушкин, кн. Ф. П. Шаховской, С. Г. Краснокутский, П. С. Пущин, кн. Павел Гагарин, А. И. Тютчев, позднее (с 1820 г.) М. П. Бестужев-Рюмин,—таков круг людей, будущих декабристов, дававший тон офицерскому корпусу Семеновского полка. Вскоре по возвращении из-за границы, по рассказу И. Д. Якушкина, «человек 15 или 20 офицеров сложились, чтобы иметь возможность обедать каждый день вместе; обедали не только вкладчики в артель, но и все те, которым по обя-

занностям службы приходилось проводить целый день в полку. После обеда одни играли в шахматы, другие читали громко иностранные газеты и следили за происшествиями в Европе — такое времяпрепровождение было решительным нововведением».

Действительно, это было замечательное нововведение, совершенно выходившее из рамок гвардейской жизни, с ее плац-парадами, бесконечной муштровкой, серой чередой казарменных будней и, в виде единственной отдушины, гвардейскими кутежами и дебошами. Еще большим нововведением явился тот факт, что некоторые семеновские офицеры, вместо бреттерских выходок и бренчания шпорами на великосветских балах, стали слушать частные курсы политических и экономических наук у университетских профессоров. Царь весьма подозрительно отнесся и к артели и к этой неожиданной тяге к знанию, совершенно несвойственной гвардейской молодежи. Артель, вопреки своей любви к семеновцам, он велел разогнать, а относительно занятий распорядился произвести расследование, и все повторял: «Это странно, очень странно. Отчего они вздумали учиться?»

Если бы тайная агентура была поставлена лучше, Александр очень скоро получил бы ответ на тревоживший его вопрос. В 1816 г. в семеновских казармах возник первый тайный кружок, которому суждено было сыграть выдающуюся роль в истории русского революционного движения, ибо из него вырос заговор декабристов. Четверо из шести его основателей — двое братьев Муравьевых-Апостолов, Трубецкой и Якушкин — принадлежали к офицерскому корпусу Семеновского полка. Число семеновцев-заговорщиков вскоре, как мы знаем, еще значительно приумножилось. Среди

офицеров, формально не принадлежавших к тайному обществу, тоже было много идейных единомышленников, как братья Чаадаевы, кн. Щербатов, И. Ф. Вадковский, Ермолаев и др. Жили все они очень дружно и даже еще до возникновения тайного общества держались несколько оппозиционно. М. И. Муравьев-Апостол вспоминает, что в 1815 г. «какая-то подписка, покровительствуемая графом Аракчеевым, была разослана по гвардейским полкам. Офицеры Семеновского полка как будто уговорились: не пожертвовали копейки в угоду всесильного временщика. Якушкин тогда же заметил, что это нам даром не пройдет».

Все эти молодые либералы, естественно, старались у себя в полку осуществлять то, что проповедывалось на тайных собраниях. Телесные наказания в полку были совершенно уничтожены, учение ограничено разумной необходимостью, с солдатами у офицеров установились чуть ли не товарищеские отношения. В начале 1821 г. в Семеновском полку, по примеру ряда других гвардейских полков, должна была открыться солдатская школа взаимного обучения.

Либерализм и сравнительно высокий культурный уровень семеновских офицеров обусловил еще одно весьма существенное обстоятельство, ставившее семеновских солдат в исключительное положение. Дело было в следующем. Еще в 1805 г. за всеми нижними чинами официально закреплено было право пользования «высочайше узаконенными выгодами от отпусков на летние вольные работы». Нижние чины гвардии отпускались обыкновенно вскоре после июньского царского смотра на полтора-два месяца, и, таким образом, казна на продолжительный срок освобождалась от тяжелой необходимости прокормления огромной массы от-

пускных солдат. Эта мера была весьма актуальной в условиях жестокого финансового кризиса, когда расходы на армию съедали львиную долю государственного бюджета. А по мере постоянного роста армии временный перевод нижних чинов на самоснабжение приобретал все большее значение, и незадолго перед войной 1812 г. разрешено было, помимо летних отпусков, во всякое свободное время увольнять солдат на работу, для чего каждому батальону предоставлялось два-три дня в неделю. Если вспомним, что полк обычно состоял из трех батальонов, то выйдет, что независимо от летних каникул третья часть рядового состава оказывалась снятой с казенного кошта.

Понятно, что делалось это в интересах казны, а не в интересах нижних чинов, однако и последние теоретически могли извлекать выгоду из вольных работ, пополняя таким путем и личный бюджет и артельные суммы. Теоретически — потому, что на практике и эта мера часто обращалась против нижних чинов. Радея о собственном хозяйстве, командиры нередко использовывали право солдат отлучаться на работы в своих интересах. Делалось это с предельным цинизмом: они попросту отправляли солдат в свои имения, где эти «крестьяне в мундирах» обрабатывали земли своих начальников, конечно, уже только «за спасибо».

Состав командного корпуса Семеновского полка, который мы только что охарактеризовали, гарантировал рядовой массе полка нормальное развитие ее хозяйственной деятельности. Последняя и на самом деле оказывалась в высшей степени продуктивной. Так, даже в течение самого неблагоприятного для их работ лета 1820 г., т. е. вскоре после переворота, происшедшего в полку с назначением в командиры Шварца, — семеновские сол-

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА

даты по официальным сведениям выработали около 30 тыс. руб., из которых 24 тыс. руб. поступили в артель, а остальные были выданы на руки.

Сумма эта складывалась из разных видов заработка. В начале 1818 г. Потемкин велел расчистить огородные места и предоставить их в пользу солдат. Семеновцы вели коллективное хозяйство, очень прибыльное, о чем можно судить по тому, напр., что коллективные огороды приносили каждой роте 500—550 руб. в сезон. Они соединялись в артели и брали большие подрядные работы, наряду с чем среди них широко распространено было индивидуальное мастерство и сторонний промысел. Декабрист Розен отмечал, что «семеновские солдаты жили гораздо лучше солдат других полков, потому что большая часть из них были отличные башмачники, султанщики и обогащали казну свою артельную». Другой декабрист, Н. И. Лорер, «знал одного солдата, который вязал государю султаны [1] белые и черные и обыкновенно получал за каждый по 100 руб. ассигнациями».

Есть и еще другие свидетельства о сравнительно высоком благосостоянии семеновских солдат и об их успехах в разных мастерствах. Можно усомниться в том, что способности к мастерству были свойственны специально семеновским солдатам. Скорее должно предположить, что просто полковая обстановка, та относительная свобода, которой пользовались семеновцы, способствовала развитию этих качеств.

Мы не имеем достаточных данных, чтобы судить о том, влияли ли эти хозяйственные операции на боевую подготовку полка и его военно-техническую учебу. Современники согласно сви-

[1] Перяное украшение или значок на головных уборах военных.

дельствуют, что семеновские солдаты отличались не только исправностью, а даже щегольством в обмундировании, образцовой выправкой и ружейными приемами. Частые благодарности, до поры до времени получавшиеся полком на парадах, говорят о том же. Совершенно бесспорно и то, что сравнительная экономическая обеспеченность оказала огромное влияние на настроения семеновских солдат, которые и завоевали полку, по возвращении из заграничного похода, репутацию одного из наиболее ярких центров брожения солдатских масс.

Дело в том, что по общему отзыву семеновские солдаты резко выделялись по своему культурному уровню даже в среде гвардейцев. Тот же Вигель замечал, что «семеновец в обращении с знакомыми из простонародья был несколько надменен и всегда учтив. С такими людьми телесные наказания скоро сделались ненужными: изъявление неудовольствия, сердитое слово были достаточными исправительными мерами. Все было облагорожено так, что, право, со стороны было любо-дорого смотреть». «Каждый из служащих в полку, — писал Богданович,—дорожа званием семеновца, смотрел несколько свысока на прочие войска. Ни на ученье, ни в казармах полка не слышно было не только брани, но и крупного слова; солдата, встреченного пьяным на улице, выжили бы свои же, да этого и не случалось».

Читатель, сколько-нибудь знакомый с каторжным строем солдатского быта начала XIX в., хорошо оценит совершенную необыкновенность всего сказанного выше. Недаром солдаты тогда сложили сказку про рядового, продавшего чорту душу, за что чорт обязался служить вместо него. Но не прошло и нескольких дней, как чорт в пани-

ке прибежал к солдату, сбросил амуницию, отказался от лакомой души и стремглав ускакал обратно в ад.

Со времени Великой французской революции в русских войсках безраздельно господствовала диктатура палки, основывавшаяся на всей системе государственного управления, ибо мы хорошо знаем, что внеэкономическое принуждение являлось вообще одной из характернейших черт феодального строя. Вместе с тем обучение войск все глубже проникалось мелочным педантизмом и крайней односторонностью, убивавшими в армии и в отдельных ее представителях всякую инициативу и основной целью обучения ставившими показную сторону, церемониал, подготовку к плацпараду [1], а не к сражению.

Подобная система, — а это, несомненно, была строго продуманная система, — вытекала все из того же феодально-крепостнического строя, менее всего заинтересованного в развитии личной инициативы и самостоятельности бойца. Напротив того, эту самостоятельность и самобытность необходимо было в солдате убить, превратив его в безвольный и бессловесный автомат. К этому и был направлен весь каторжный строй солдатской жизни, начиная от безнадежного долгого, 25-летнего, срока службы и кончая варварскими истязаниями и унижениями.

И на этом общем фоне, густо выкрашенном в одну черную краску, Семеновский полк, такой, каким он только что предстал перед нами, дерзко и последовательно опрокидывал все казавшиеся незыблемыми каноны внутреннего строя русской армии.

[1] Плацпарад — площадь для учения войск и для разводов.

Любимый полк царя совершенно очевидно ускользал из-под его единоличной опеки, идя самостоятельным путем развития и грозя, в новой социальной обстановке, из царских преторианцев превратиться в силу, враждебную царю и олицетворяемому им строю.

В условиях жесточайшего обострения экономических и политических противоречий, в обстановке все большего расхождения между правительством, с завязанными глазами плутавшим по путям политической реакции, и уже нарождавшейся общественностью, в частности общественностью военной, — подобные настроения, господствовавшие в одном из головных полков императорской гвардии, конечно, не могли быть долго терпимы, тем более, что и вообще солдатские массы после войны были уже не те, что прежде. Об этом на разные лады твердят десятки мемуаристов. Декабрист Якушкин, участник войны, отмечал, что она «пробудила народ русский к жизни. Даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий: каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле». «Часть солдат заразилась французским ядом, — рассказывает другой декабрист Розен, — и желала для себя такого же обхождения, к какому они привыкли во Франции». Известный представитель верноподданнической литературы и сотрудник III отд., Греч, никак, стало быть, не могущий быть заподозреннным в преувеличении, вспоминает, как в 1816 г. он, попав в общество гвардейских фельдфебелей и унтерофицеров, был поражен поведением этих последних, державших себя с чувством собственного достоинства и пересыпавших разговор французскими фразами.

Следствием подобного перерождения солдат-

ской среды явилось развитие в ней явного недовольства, со временем грозившего вылиться в открытое возмущение. Ропот слышался уже довольно явственно. Появился на первый взгляд неожиданный культ Наполеона, которого в бытность свою во Франции солдаты противопоставляли ничтожному Людовику XVIII, а по возвращении в Россию — императору Александру, все более утрачивавшему обаяние в военной среде. Недовольство и брожение покуда выливалось обыкновенно в формы индивидуального протеста. Солдаты протестовали самоубийствами, массовыми побегами за границу (из одной 2-й армии в 1819 г. бежало 1.086 солдат, в 1820 — 1.405, в 1821 — 1.612 и т. д.). Бывали случаи, когда солдаты шли на преступление с единственной целью — царскую казарму сменить на царский острог.

Эти солдатские настроения вызывали уже тогда столь серьезную тревогу в правительственных кругах, что министр внутренних дел гр. Кочубей счел нужным обратиться за информацией к сведущему человеку, известному тогда основателю Харьков. университета В. Н. Каразину. Информация оказалась крайне неутешительной. «Солдаты, возвратившиеся из-за границы, — доказывал Каразин, — и наипаче служившие в корпусе, во Франции находившемся, возвратились с мыслями совсем новыми и распространяли оные при переходе своем или на местах, где они квартируют... Люди начали больше рассуждать. Судят, что трудно служить, что большие взыскания, что они мало получают жалования, что наказывают их строго и пр.». Встревоженный министр спросил, найдутся ли среди солдат люди, способные принять на себя начальство в беспорядках? «Кто знает, — отвечал Каразин. — Между солдатами

есть люди весьма умные, знающие грамоту. Много есть солдат из бойких семинаристов, за дурное поведение в военную службу отданных... Есть... и из дворовых весьма острые и сведущие люди; есть управители, стряпчие и прочие из господских людей, которые за дурное поведение или за злоупотребление отданы в рекруты. Они так же, как и все, читают журналы и газеты».

Кочубею и тем, кто разделял с ним верховную власть, было о чем призадуматься.

III

Кризис крепостного хозяйства обусловил еще большую зависимость правительства от армии. Только при условии абсолютной и безусловной верности армии правительство могло чувствовать себя уверенно за ее штыковой завесой. Когда же эта штыковая завеса стала заметно колебаться, правительство приняло свои меры. Политическая реакция распространилась и на военное дело, стремясь законсервировать армию, сохранить ее от грозного влияния французских революционных войск. Насущнейшие и давно созревшие военные преобразования в области устава и самой службы, даже частично апробированные уже верховной властью, оставались непроведенными в жизнь. Напротив, армейский быт и строй еще более уродовались, становились еще тяжелее.

Резкая перемена правительственного курса обусловила господствующее положение, занятое в армии, и в частности в гвардии, такими людьми, как бригадные командиры, младшие братья царя, великие князья Николай и Михаил Павловичи, рано прославившиеся своим грубым и жестоким солдафонством, как командир гвардейского кор-

пуса ген. Васильчиков, человек на редкость бездарный, отличительными свойствами которого были ограниченность, беспредельное честолюбие и слепая приверженность реакции, или как начальник штаба гвардии Бенкендорф, будущий всероссийский сыщик. Руководящая же роль безраздельно перешла к Аракчееву.

Таким образом то, что произошло в Семеновском полку, было не случайностью, не результатом чьей-то злой воли (считалось модным бо́льшую долю вины сваливать на Михаила Павловича), а явилось следствием правительственной системы, которую сам Аракчеев с бурбонской откровенностью характеризовал, как стремление «подтянуть» и «выбить дурь из головы этих молодчиков».

А произошло в Семеновском полку следующее. Порядки, господствовавшие в полку, конечно, в первую очередь требовали «подтягивания». Михаил Павлович, назначенный начальником 1-й пешей гвардейской бригады, по свидетельству М. И. Муравьева-Апостола, «всячески старался уловить Семеновский полк в какой-нибудь неисправности... Все это ни к чему не послужило. Везде и всегда он находил полный порядок и строгое исполнение службы. Это еще больше бесило и восстановляло против ненавистного ему полка. Разумеется, великий князь не мог благоволить и к нашему генералу (Потемкину. — *С. Г.*), с которым не имел ничего общего. Поэтому к нам начали придираться, отыскивая во что бы то ни стало, правдой или неправдой, если не беспорядка, то, по крайней мере, каких-нибудь ошибок».

О том же самом свидетельствует и мемуарист из противоположного лагеря, тоже старый семеновский офицер, Рачинский: «Год или более перед несчастным происшествием государь довольно

долгое время показывал неудовольствие на Семеновский полк за учение и разводы, а другим, которые не превосходили нас ни в чем, жаловал по рублю, порции говядины, вина. Все усилия семеновцев остались без отличия».

Усилия их ни к чему и не могли привести. Ген. Гурко, один из лучших птенцов аракчеевской школы, с цинической откровенностью говорил семеновским офицерам, что на них сердятся за то, что у них на учении солдат не бьют. «Нас преследовали за то, что мы не доводили людей до крайности», вспоминал М. Муравьев-Апостол.

Это было форменное преследование, точнее сказать, травля. Тон задавал сам Александр, сознававший, что вернейший и любимый его полк постепенно переходит во враждебный лагерь. В 1816 г. был издан приказ о том, что Семеновский полк оказался на высочайшем параде неисправным, за каковое упущение царь велел сделать выговор Потемкину и арестовать на сутки батальонных командиров. В 1819 г., после «высочайшего» смотра, Александр отмечал, что «Семеновский полк прошел со взводными дистанциями не чисто, у многих взводов левые фланги были назади, надлежащей тишины в шеренгах не было, много колен было согнутых, ногу поднимали не ровно, носки были не вытянуты, некоторые дистанции между взводами были велики, замечательно дурно ровнялись в 1-м батальоне» и т. д.

Верный царский слуга, ген. Закревский, договорился до того, что «вредный дух офицеров распространился и между нижними чинами», что «полк сей беспрестанно становился по службе хуже и редко случались ученья, которыми бы государь столько же был доволен, сколько прочими гвардейскими полками...».

Наконец, в марте 1820 г. правительство от пустых придирок к семеновцам и другим гвардейским частям перешло к действию. На рост гвардейского вольнодумства оно ответило заменой всех либеральничавших полковых командиров (в том числе и Потемкина) тупыми и бездушными фрунтовиками, «бурбонами», умевшими объясняться только посредством кулака. В Преображенский полк назначен был полковник Пирх, в Семеновский — Шварц, в Измайловский — Мартынов, в Московский — Фредерикс, в лейб-Гренадерский — Стюрлер и т. д. Характерно, что даже известный ретроград, ген. Закревский, не отличавшийся особенно светлым умом, доказывавший, что «нежность и приветствие пустое есть вред настоящий для службы», и что солдат должен постоянно ощущать над собой палку, — даже этот восторженный проповедник рукоприкладства жаловался товарищу, что не понимает «нынешнего назначения полковых командиров в гвардии... Я говорил о сем Васильчикову, и он мне ничего не мог отвечать, кроме — что государю угодно. Ни в чье командование корпусом гвардейским не назначали таких командиров, как теперь, и полагаю, что с сего времени гвардия будет во всех отношениях упадать, кроме ног, на кои особенное внимание обращают».

Пессимизм Закревского оправдался очень скоро. В конце августа 1820 г. произошла неприятная история в Измайловском полку. Командир Мартынов, которого даже Васильчиков считал глупым человеком, грубою выходкою оскорбил офицеров, и они коллективно подали в отставку. Шварц в полгода довел вверенный ему полк до открытого возмущения. Фредерикс, личный друг Николая Павловича, более всего известный щегольским

умением носить мундир, по-своему прославился 14 декабря 1825 г., когда он побоялся лично объясняться с солдатами о переприсяге, а при первых признаках восстания так поспешно бежал, что наткнулся на саблю одного из мятежных офицеров. В тот же день убит был Каховским остро ненавидимый лейб-гренадерами полковник Стюрлер.

В командиры Семеновского полка Михаил Павлович настойчиво рекомендовал царю армейского полковника Ф. Е. Шварца, встреченного им во время путешествия по России, типичного аракчеевского выученника, который, «беспрестанно содержа семеновцев в труде и поте, выбьет из них дурь». Царь еще сомневался, доказывая, что назначение Шварца в Семеновский полк не приведет к добру. Он, конечно, понимал, что с этим назначением порвется последняя связь его с некогда верными преторианцами. Но Михаил Павлович доказывал, что только с таким командиром и можно добиться успеха, ибо он «по своему ничтожеству будет вполне зависеть от его императорского высочества». И царь довольно скоро уступил. 11 апреля 1820 г. Шварц был назначен командиром л.-гв. Семеновского полка.

Шварц — фигура по-своему чрезвычайно колоритная и характерная вообще для нового типа командиров гвардейских полков. О нем надо сказать подробнее. Родом из Смоленской губ., кажется, мелкий дворянин, происходивший из обрусевшей датской семьи, Ф. Е. Шварц начал службу в 1797 г. подпрапорщиком в Псковском гарнизонном батальоне. Целых шесть лет он ждал производства в прапорщики и дальше очень медленно одолевал скользкие ступени иерархической лестницы. Выручила Шварца война: обстоятельства ли ему благоприятствовали, либо он и точно был хра-

брым человеком, во всяком случае, по свидетельству казенного биографа, он «на двадцать девятом году от рождения дослужился до чина полковника, получив почти все чины за отличие в сражениях. Он был украшен всеми орденами, которые было возможно получить в полковничьем чине, и ни одного из них не приобрел за отличие в мирное время».

Это последнее необходимо было подчеркнуть особенно потому, конечно, что служебную карьеру Шварц все-таки сделал не на «поле чести», а на плац-параде, служа долгое время в гренадерском гр. Аракчеева полку. Был он человек абсолютно необразованный, даже малограмотный, хотя в формуляре его и значилось, что он «читать и писать умеет, географию, историю, геометрию и арифметику знает». Подчиненные его свидетельствовали, что он был человек жестокий, отчаянный формалист, весь кругозор которого заключался в выправке, пригонке амуниции, ремешках и пр. Рассказывали о всевозможных его тиранствах над солдатами, о том, что в месте расположения Калужского полка, которым он прежде командовал, засеченные им на смерть рекруты и солдаты образовали целую братскую могилу, которая так и называлась «шварцевой могилой». Рассказывали еще, что сам Шварц боялся назначения в Семеновский полк, предвидя, что окажется там не на месте. А офицеры, конечно, отлично учитывавшие смысл этого назначения, при первой же встрече устроили ему демонстрацию. Все штаб- и обер-офицеры в полной парадной форме отправились на квартиру Потемкина — просить его не оставлять полк. В это самое время прибыл и Шварц. «Он стоял в отдалении от всех, и никто к нему не подошел. Генерал Потемкин вышел из своего ка-

бинета в залу, где все мы находились, благодарил нас со слезами на глазах за нашу любовь к нему. Полковнику Шварцу не сказал никакого приветствия; последний с неудовольствием, выразившимся на его лице, уехал».

Шварц ретиво принялся за свои обязанности. Через две недели по принятии полка, в приказе 1 мая 1820 г. он объявил, что в полку все худо, а между тем в тот же день командир бригады, Михаил Павлович, — отношение которого к Семеновскому полку мы уже знаем, — вынужден был дать самую лестную оценку майского парада полка. По выписке из полковых приказов, сделанной судом, видно, что с 1 мая по 3 октября 1820 г. Шварцем наказано 44 человека, которым в общей сложности дано 14.250 ударов — цифры не такие внушительные для тогдашнего времени. Но, по выражению современника, Шварц, «не будучи большим драчуном, имел дар возбудить к себе в солдатах большую ненависть, нежели жесточайший мучитель». Он донимал их беспрерывными, даже в праздничные и воскресные дни, ученьями, из которых ни одно не проходило без палок. Не довольствуясь этим, Шварц сам бил солдат, вырывал у них усы, обращая одну шеренгу лицом к другой, заставлял плевать солдат в лицо друг другу, и т. д., и т. п.

Вместе с тем, соединяя в себе грубое невежество с необыкновенною вспыльчивостью и полнейшим отсутствием такта, он на ученьях, случалось, ревел диким голосом, ругался и кривлялся, швырял шляпу о-земь и сам валился на землю, чтобы лучше видеть, хорошо ли на марше солдаты вытягивают носки — «игру носков», как он выражался.

Все это, в совокупности с отсутствием дара ре-

чи и дурным произношением, возбуждало в солдатах, наряду с ненавистью, и злую иронию. «Солдат всегда был и будет весельчак, — вспоминает один из семеновских офицеров. — Легко можно угадать, что были способные, которые не преминули копировать сии странные телодвижения и в час разгулья с точным подражанием представляли оригинал».

С офицерами Шварц вовсе не умел обходиться и оскорблял их то грубыми выходками, то пошлой фамильярностью.

Характерно, что этот бурбон в приказах не «приказывал», а «просил», чем совсем сбивал с толку подчиненных.

Вот образчик его приказа по полку (от 1 мая 1820 г.):

«Просил я гг. батальонных и ротных командиров, чтобы шинели были вытянуты единообразно, и были скатаны туже, а были напротив свернуты слабо; просил я тоже, чтобы поперечные ранцевые ремни были выравнены, но оные были неровны; просил я еще, чтобы из фронта не выходили, а государевой роты стрелок и 1-й роты рядовой были отставши, за что предлагаю командиру наказать рядового при роте ста ударами, а стрелок переводится в 6-ю роту».

Шварц подвергал солдат тягчайшим материальным лишениям, заставляя их изводить свое скудное жалование на всякие усовершенствования в обмундировании, хотя для видимости в одном из первых же приказов по полку предписывал, чтобы нижние чины не покупали ни на собственный счет, ни из артельных сумм амуниции и одежды. Не имея совершенно свободного времени ни в будни, ни даже в праздники, солдаты вынуждались спускать на толкучке последнее свое имущество, чтобы

заводить особого образца сапоги, краги [1], султаны, рукавицы, чтобы покупать мел для беления амуниции и фабру для усов. Размеры этих непосильных для солдатского бюджета трат выяснились на следствии, когда подсудимые нижние чины объясняли невыполнение ими некоторых требований командира отсутствием денег, «ибо нам невозможно было почти никогда ходить на вольные работы». Это засвидетельствовал и генерал-аудитор в своем официальном «Мнении»: «По делу обнаружено, что когда нижние чины в других полках во время каникул отпущались на работу, в Семеновском большая часть людей занята была ученьями, смотрами, постройкою амуниции и переранжировкою всего полка». По данным, заявленным солдатами на следствии, нижние чины одного 1-го батальона на покупку и поправку мундиров, панталон, темляков, кутасов, султанов, галунов и пр. [2] истратили без малого 10 тыс. руб.

В основе Семеновского восстания и лежал именно экономический протест, ибо материальные лишения отзывались на пище, и все в совокупности быстро умножило болезни и смертность в полку. Непосредственным же толчком к восстанию послужили так называемые «десятичные учения». М. И. Муравьев-Апостол рассказывает, что Шварц «из всех 12 рот поочередно ежедневно требовал к себе по 10 человек и учил их для своего развлечения у себя в зале, разнообразя истязания: их заставляли неподвижно стоять по целым часам, ноги связывали в лубки, кололи вилками и пр.».

Попытки солдат жаловаться имели для них самые печальные последствия. Некоторые солдаты

[1] Краги — накладные голенища с пуговицами.

[2] Темляк — тесьма с кистью при шпаге или сабле; кунас — шнур с кистями.

попробовали жаловаться в ордонанс-грузе [1], но трое из них были за это Шварцем жестоко наказаны. На инспекторском смотру 5 июня командир дивизии барон Розен трижды спрашивал солдат, довольны ли они своим полковым командиром, но солдаты, по собственному признанию, «не объявляли о тягостном своем положении, опасаясь, что не заступятся за нас, чтобы после не пропасть тому, кто просить будет, и когда нас спрашивали, довольны ли полковым командиром... мы все молчали и смотрели друг на друга и сказать не смели». Барон Розен, конечно, отлично осведомленный о действительном положении вещей, «пожал плечами, повернулся и прочь пошел».

Ген. Васильчиков на инспекторском смотру 26 августа (т. е. за 20 дней до восстания) распорядился еще проще. «В роте его величества, — рассказывает Бенкендорф, — после того, как генерал опросил ее, не имеет ли она каких-либо жалоб, он сказал ей, что носятся слухи, будто некоторые гренадеры осмелились дурно отзываться о своем полковнике во всеуслышание; что он этому не хочет верить и что их поведение докажет, должен ли он верить слухам, столь противным чести роты его величества». Разумеется, что после этого никто из солдат не решился открыть рот.

В конце концов солдаты решили выждать. «Мы желали объявить начальству о тягостном положении нашем, — объяснял один гренадер, — но никто по одиночке сего сделать не осмеливался оттого, что у нас наказывали по 500 ударов при собрании прочих, и в приказе было отдано — «за то, что явились с просьбами»... Мы рассуждали, что неужели начальству о положении нашем неизвест-

[1] Ордонанс-гауз — канцелярия коменданта.

но, — ведь не с одним человеком и не один день это делается... У нас много людей из полка бежало, и мы думали, что начальство заметит, что у нас житье худое, ибо у нас таких побегов прежде никогда не было... Мы решились потерпеть, не будет ли получше».

Начальство и точно все замечало, все знало и все понимало. Тот же Бенкендорф засвидетельствовал, что «всякий, кто привык обращаться с солдатами, мог бы заметить, что дух полка не очень-то хорош: солдаты едва отвечали и не имели вида веселого и полного усердия... Неудовольствие было известно с первого дня командования Шварца». Но начальство не сочло нужным сделать практические выводы из этих своих наблюдений.

Намеревались и офицеры (между которыми еще оставалось несколько заговорщиков) решительно объясниться со Шварцем. Но об этом заранее стало известно Бенкендорфу, тогдашнему начальнику гвардейского штаба. Вызвав к себе батальонных командиров, Бенкендорф внушил им, что такой поступок навлечет на них царский гнев, и туманно обещал, «что если Семеновский полк для избежания всех неприятностей решится еще несколько потерпеть, то в малое время увидит счастливую перемену».

Итак, офицеры набрались терпения. Терпели и солдаты, но «счастливые перемены» не приходили. 16 октября долго скрываемое возмущение прорвалось наружу.

IV

В 1719 г. «царское величество изволило осматривать места на Московской стороне под селыдьбу (т. е. поселение) полков гвардии». С 1739 г.

здесь начали строиться слободы Измайловского и Семеновского полков, занимавшие громадные земельные пространства. Семеновский полк располагался между нынешним Загородным проспектом, Обводным каналом, Международным проспектом и Звенигородской улицей.

Инструкция по постройке предписывала солдатские светлицы строить в шахматном порядке, пространство между ними надлежало засаживать деревьями, улицы должны были быть замощены и т. д. Но все это оставалось преимущественно на бумаге, а в действительности улицы Семеновской слободы еще во второй половине XIX в. напоминали захолустный провинциальный городишко. Превращение полковых слобод в город произведено было императором Павлом: полки стянуты в казармы, а освободившиеся земельные участки распроданы, и на них стали возникать доходные дома. Гвардия, уже утратившая свою кастово-дворянскую замкнутость, потеснилась, очищая места нарождавшейся буржуазии.

Семеновские светлицы вытянулись в длинные, темные и невыразительные казармы. За их мрачными кирпичными стенами протекала тяжелая, полная лишений и страданий жизнь солдата. Полковые учения происходили по соседству на «плацпарадном месте» л.-гв. Семеновского полка, где позднее казнили государственных преступников, а еще позже был устроен ипподром. После отбоя в казармах воцарялась могильная тишина. У ворот, у цейхгаузов, у складов, на всех постах стыли часовые. Всякое нарушение тишины в это время было жесточайшим нарушением воинской дисциплины.

16 октября, согласно подлинным словам военно-судного дела, «во время ученья, когда не был све-

ден еще полк и роты учились отдельно, 2-я рота, кончив ружейные приемы, стояла вольно. Ротный командир, увидя приближающегося полковника, скомандовал: «смирно». При этом один из рядовых (Бойченко), исполнявший естественную надобность, стал во фронт, не успев застегнуть мундир. Тогда Шварц, подбежав к нему, плюнул ему в глаза, потом взял его за руку и, проводя по фронту первой шеренги, приказывал на него, Бойченку, плевать [1]. Сверх того, некоторых из нижних чинов, имеющих знаки отличия военного ордена, он наказал тесаками».

Еще за несколько дней перед тем распространилось известие о том, что царь вернется из-за границы не скоро и, стало-быть, ждать нечего. Во всех ротах «стали придумывать, как бы просить начальство об облегчении, говоря между собою: «ежели станет просить которая рота, то говорить правду — не выдавать». Случай с Бойченкой послужил последней каплей. Возвращаясь с учения, государева рота решила на вечерней перекличке принести жалобу. Остальные роты поклялись поддержать ее.

Рота е. в., во всех отношениях образцовая, считалась главою полка, головной. Она состояла из отборнейших старых, заслуженных солдат, пользовавшихся различными привилегиями и лично известных Александру. Тела их были покрыты рубцами от боевых ран, которые не менее красноречиво, нежели ордена и медали на мундирах, свидетельствовали об их воинских заслугах. Командовал ротою старший капитан Н. И. Кашкарев, человек неплохой, но всякий день ожидавший

[1] Любопытно отметить, что свой поступок с Бойченкой Шварц объяснял тем, что «избегал телесных наказаний».

производства, а потому недостаточно внимательно относившийся к своим обязанностям.

Редко встречается такой коллектив людей, даже самый дружный, крепкий и выдержанный, в который бы не затесался хоть один какой-нибудь подлец-предатель. Нашелся такой, видимо, и в государевой роте. Во всяком случае фельдфебель Брагин задолго еще до вечерней переклички был осведомлен о сговоре солдат. Он поспешил отменить перекличку на том будто бы основании, что на следующий день четыре десятка этой роты должны были явиться на смотр к Шварцу, а 18-го полк заступал в караул.

Отбой. Солдаты стали укладываться на жесткие нары, которыми Шварц заменил заведенные при Потемкине кровати. И-внезапно в 10-м часу вечера в верхнем коридоре, где помещались гренадеры и стрелки, раздался протяжный голос:

— Встава-ай!

Кричал стрелок Дурницын.

Правящий капральством ефрейтор Дмитрий Петров, отворяя двери общежитий, повторял:

— Что же не выходите на перекличку?!

Это не были, впрочем, вожди восстания, а только сигнальщики. На допросе восемьдесят шесть стрелков, квартировавших в верхнем этаже, показали, что они «16 октября в субботу в вечеру вышли в коридор по общему согласию, в тот день утром всеми сделанному, идучи с ученья, а не по вызову». Набегу застегивая мундиры, солдаты без шума и крика спускались вниз, выстраиваясь в нижнем коридоре. «Выходи-и!» — кричали наверху. Дежурный по роте ефрейтор Глухов прибежал в коридор, спрашивая: «для чего выходят». Солдаты отвечали, что «на перекличку». Зная об отмене переклички, ефрейтор Глухов поспешил к

фельдфебелю, который через него велел роте разойтись. Но узнав, что солдаты не повинуются, Брагин сам прибежал в роту. «Зачем вы вышли, никто не звал на перекличку», — кричал он. Солдаты просили доложить ротному командиру, что они имеют принести ему просьбу. Приказание разойтись солдаты не исполнили, все так же, однако, соблюдая полное спокойствие и порядок. Сколько Брагин ни уговаривал солдат отложить их намерение хотя бы до утра, ничего не действовало, и солдаты оставались непреклонны в своем требовании.

Часовые попрежнему стыли у ворот, у цейхгаузов, у складов; гренадеры и стрелки, не шевелясь, как на параде, вытянулись в нижнем коридоре. Но воинская дисциплина дала страшную трещину. Фельдфебелю ничего иного не оставалось, как исполнить требование солдат. Он послал гренадера Осипова за ротным командиром, но посланный не застал Кошкарева на квартире. Брагину было страшно одному перед молчаливым строем бунтовщиков. Едва Осипов вернулся в роту, Брагин послал к капитану унтер-офицера Мягкова, наказав, на случай отсутствия Кашкарева, передать его людям, чтобы он поспешил в роту, как только возвратится домой.

Проходили напряженные, будто свинцом налитые, часы. Государева рота молча и не шевелясь вытянулась в скупо освещенном коридоре.

Капитан прибыл в роту около полуночи и спросил солдат, почему они собрались самовольно. Гренадер Осипов стал говорить об отяготительных осмотрах по десяткам. Кашкарев прервал его: «Как, вы, выбранные гренадеры, должны быть примером, а вы тяготитесь службою?» Тогда заговорили уже все вместе. Говорили, что они «от

службы не прочь», но что у них нет более ни сил, ни средств служить под начальством Шварца, что «тягость трудов, возложенных на них г. полковым командиром, превозмогла силы их и тем понуждала искать убежища в справедливости высшего начальства», и поэтому они просят принять их жалобу. Капитан уговаривал роту отложить их жалобу до более благоприятного случая. Тогда солдаты рассказали о случае с Васильчиковым на последнем полковом смотру, повторяя просьбу дать немедленный ход жалобе, чтоб знали, что не отдельные солдаты, а весь полк не хочет служить под командой Шварца, и 1-я рота уполномочена жаловаться от имени всего полка. Урезонить солдат было невозможно.

— Что ж делать, братцы, — сказал Кашкарев,— я и сам это знаю, что вам трудно. Хорошо, я доложу.

Засим он велел роте разойтись, и «люди без шума, без сопротивления, послушно, почтенно и покорно приняли его приказания, разошлись по комнатам и легли спать... Глубочайшее спокойствие царствовало в роте, люди спали...».

Когда капитан собирался уже уходить из роты, предусмотрительный фельдфебель Брагин вручил ему список 12 наиболее шумевших солдат. Не желая подвергать поименованных особо тяжелой ответственности, Кашкарев не представил списка по начальству, за что впоследствии, как мы увидим, дорого поплатился.

Во втором часу ночи Кашкарев был уже у батальонного командира И. Ф. Вадковского, но и его не застал дома. Кашкарев оставил ему письменное донесение о всем случившемся. От Вадковского он поспешил к полковому командиру в надежде найти у него помощь в столь трудных об-

стоятельствах. Но Шварц совершенно потерялся и, не найдясь, что предпринять, велел Кашкареву «наблюдать за порядком и тишиною». А в 5 часов утра приказал полковому адъютанту донести о происшествии словесно бригадному командиру и начальнику штаба гвардейского корпуса.

И. Ф. Вадковский происходил из старой крупнопоместной дворянской семьи, которая через несколько лет двух своих членов, младших братьев И. Ф. Вадковского, отдала декабристскому движению. Но, как Кашкарев ожидал производства, так и Вадковский готовился стать полковым командиром.

«Приметив вспыльчивость нового полководца,— вспоминает он, — предвидя неприятности, могущие через то быть мне навлекаемы, решился я оставить вышесказанный полк и просил о переводе своем в полевые полки. Вскоре после сего получил я письма от генералов Ермолова, Дибича и Храповицкого, которые предлагали мне полки и брались поддержать предпринимаемое мною». Стало быть, и Вадковский, подобно Кашкареву, уже не ощущал прежней живой связи с полком.

Опасаясь внезапным приездом среди ночи еще более взбудоражить солдат, Вадковский дождался утра и в 7 часов прибыл в казармы. Повторилась в точности давешняя вечерняя сцена. Полковник укорял солдат в неповиновении, призывал к порядку, доказывал беззаконность их поступка. Солдаты же настаивали на том, чтобы жалобе их был дан ход. С тем Вадковский и уехал. За всем тем в роте господствовала строгая дисциплина, и даже очередной десяток послан был на смотр к полковому командиру. Шварц сделал вид, что о вечернем происшествии ему ничего неизвестно.

Снизу вверх, от младших начальников к стар-

шим, понеслась тревожная весть о волнении в роте его величества. От ротного командира к батальонному, от батальонного к полковому и т. д.

Вадковский поспешил к Шварцу. Приняв от него словесный рапорт о случившемся, Шварц не решился ехать в полк и ограничился приказанием донести о происшествии Михаилу Павловичу, а сам на разводе, в 10 часу утра, сообщил о нем Бенкенфорду. Васильчиков, немедленно осведомленный о событиях своим начальником штаба, «почел за благо» сказаться больным.

В роту отправились Михаил Павлович и Бенкендорф. В 11 часов они были на месте. Как видим, начальство не считало возможным медлить. Бенкендорф прошел прямо в комнату фельдфебеля, принял словесные рапорты от Кашкарева и Вадковского, допросил дежурного и дневального и распорядился собрать гренадер в нижнем, а стрелков в верхнем коридорах. Видимо, опасались собирать всю роту вместе. Но среди солдат поднялся ропот, и пришлось построить их все-таки вместе.

Повторилось все то же. Те же молчаливые, стройные шеренги, та же твердая настойчивость, не поддающаяся ни угрозам, ни увещаниям, те же ответы: довольны всеми начальниками, кроме полкового командира; служить с ним не могут, ибо он их «тиранит», бьет и обременяет ненужной службой; к жалобе никто не подговаривал, а сделали это по общему желанию. Назвать зачинщиков отказались.

Известие о приезде в государеву роту Бенкендорфа и допросе им нижних чинов мгновенно распространилось по всем ротам. Начались толки о том, что «надо поддержать 1-ю гренадерскую роту, если и у нас будут спрашивать». Покуда Бен-

кендорф чинил свой неудачный допрос, Вадковский доложил ему, что неспокойно и в остальных трех ротах 1-го батальона. Положение обострялось. Бенкендорф потребовал, чтобы к 6 часам солдаты выдали зачинщиков, но сделал это, конечно, более для формы, ибо никак не мог рассчитывать на исполнение своего требования.

Ничего не добившись, Бенкендорф распустил людей, приказав Вадковскому и Кашкареву к 8 часам вечера представить в гвардейский штаб письменные рапорты. На последовавшем затем совещании у «больного» Васильчикова Михаил Павлович и Бенкендорф настаивали на строгих мерах, но в существе их разошлись: Михаил Павлович рекомендовал «отечески» наказать каждого десятого розгами и затем раскассировать мятежников по другим ротам. Бенкендорф настаивал на заключении всей роты в крепость. Покуда еще мудрые полководцы ни на что не решались, но в этой напряженной атмосфере ждать до 8 часов показалось несносно долго. В 3 часа к Вадковскому прискакал ездовой из дворца с повелением немедленно явиться к великому князю. Прибыв во дворец, Вадковский стал уговаривать Михаила Павловича «прекратить сие происшествие, не доводя оное до сведения высшего начальства, каким-либо домашним наказанием». Михаил Павлович как будто согласился, но с условием, чтобы солдаты через батальонного командира принесли раскаяние в своем поступке.

Вадковский помчался обратно в роту. По его приказанию снова вытянулись вдоль коридора две молчаливые шеренги. Вадковский «употребил все способы, дабы доказать людям важность их вины и дабы вразумить их, что одно признание в оной могло еще возвратить прежнее к ним бла-

горасположение начальников». Но все было тщетно: солдаты не хотели «каяться».

Во дворце Вадковского ждал новый приказ: к 8 часам вечера привести мятежную роту в штаб гвардейского корпуса: рядовых в шинелях и фуражных шапках, унтер-офицеров — в киверах[1] с тесаками. Из офицеров при роте быть только подполковнику Вадковскому и капитану Кашкареву. Бенкендорф объяснил Вадковскому: «Г. корпусной командир, желая видеть людей, но будучи сам нездоров, а посему в невозможности приехать в полк, требовал их в штаб для учинения им допросов».

Это была грубая уловка. Судьба мятежной роты в головах начальников была уже решена. И Бенкендорф должен был хорошо знать об этом, ибо одержал верх именно его план.

Вернувшись в полк, Вадковский стал разыскивать полкового командира, чтобы доложить ему о последнем распоряжении. Но командир исчез. Впоследствии выяснилось, что, перетрусив, Шварц скрывался все это время у своего приятеля в Измайловском полку.

Уже смеркалось. Роту пришлось собирать при свечах. На лицах солдат были написаны недовольство и тревога. Был воскресный вечер, и множество гуляющих сопровождали роту. Они не отстали и тогда, когда ровно в 8 часов рота выстроилась на площади перед зданием гвардейского штаба. Якобы во избежание лишних глаз, Васильчиков приказал ввести роту в манеж. Манеж был освещен, а когда семеновцы вошли в него, то увидели, что попали в ловушку: они, безоружные, оказались между двух шпалер солдат Павловско-

[1] Кивер — военный головной убор из твердой кожи.

го полка, в амуниции и с заряженными ружьями. Васильчиков по-генеральски «распушил» солдат за неповиновение и велел вести роту в крепость. О допросах он как будто позабыл. Позабыл он объяснить кому-нибудь и то, почему болезнь, лишившая его возможности ехать в полк, не помешала ему добраться до манежа, находившегося, примерно, в таком же расстоянии от его дома.

На следующий день полк вступал в караул. Вследствие ареста роты е. в., надлежало в замену ее сделать новый наряд: по 20 человек от каждой роты. Для этого пришлось будить во всех ротах фельдфебелей, капральных унтер-офицеров, правящих ефрейторов и по пяти рядовых во всех капральствах. Но и без того многие люди в полку не спали и толковали о случившемся в государевой роте, еще не зная об ее аресте.

Около полуночи с 17-го на 18-е октября рядовой второй фузилерной роты Павлов, вернувшись из отпуска, рассказал своему товарищу Чистякову об аресте роты е. в. Он доказывал, что нужно заступиться и выручить ее. Сознавая степень ответственности своей перед товарищами, ошеломленный известием, Чистяков решился не сразу. Но затем, выбежав в коридор, он закричал:

— Выходи на перекличку!

Разбуженные солдаты выбегали в коридор, а Павлов кричал:

— Нет государевой роты. Она погибает!

Прибывший командир роты штабс-капитан Левенберг нашел ее уже построившейся. На его уговоры и угрозы солдаты упорно отвечали, что государева рота погибает, а они так же виноваты и просят доложить об этом начальству.

Не прошло и получаса, как весть об аресте роты е. в. и событиях во 2-й фузилерной роте обле-

тела весь полк. Еще до полуночи возмутилась 1-я фузилерная рота. Командиру своему, Тулубьеву, солдаты отвечали то же самое: что нет государевой роты, что она погибает и они хотят разделить ее участь. Тулубьев послал верхового за Вадковским, а роте приказал дожидаться его приезда. Но кто-то скомандовал: «направо!», и все устремились во 2-ю роту и смешались с нею. «Пойдем в 3-ю роту!» — раздался голос, и уже все вместе бросились в 3-ю роту, выломали ворота, опрокинули дневального и часового, с криками: «Государева рота погибает! Вставайте!», — растеклись по нижнему и верхнему коридорам и подняли на ноги всех.

Прибывший в 3-ю роту Вадковский нашел там всех солдат 1-го батальона, «толпящихся в беспорядке и шуме». Его появление «восстановило тишину и молчание. Люди, сколь позволяла им теснота, выстроились и выровнялись». Но атмосфера была накалена в такой степени, что уже Вадковский ничего не мог добиться. Солдаты повторяли одно и то же: они столько же виноваты, сколько и государева рота, и хотят разделить ее участь. Вадковский поспешил за инструкциями к полковому командиру. Но Шварц был бессилен там, где палки и шпицрутены [1] не действовали. Спасая собственную шкуру, он скрылся из дома.

Вслед за отъездом Вадковского в 3-ю роту прибыл ее командир, капитан С. И. Муравьев-Апостол. Это был тот самый Муравьев-Апостол, который через пять лет возглавил восстание Черниговского полка. Один из основателей и вождей тайного общества, человек исключительно гуманный,

---

[1] Шпицрутены — длинные и гибкие палки, служившие для телесного наказания.

он был беззаветно и горячо любим солдатами. В своем стремлении спасти солдат от страшной ответственности Муравьев не щадил красок, изображая последствия их неповиновения. Видя, что это нисколько не действует, он прибегнул к последнему средству: просил пощадить его самого, ответственного за проступки вверенной ему части. Но солдаты других рот кричали:

— Не расходись третья рота!

— Да что за третья рота, — здесь нет третьей роты, здесь весь батальон!

— Государева рота погибает, а третья рота пойдет спать и отстанет от своих братьев?!

Несколько голосов на правом фланге закричало:

— Направо, пойдем во вторую гренадерскую роту!

Муравьев успел удержать часть людей, напомнив данное ими Вадковскому обещание дожидаться в 3-й роте его возвращения. Но многие солдаты все-таки проникли во вторую гренадерскую роту, отперли двери и стали будить людей. Волнение принимало все более широкие размеры. В 3-м часу ночи из города вернулся караул, наряжавшийся от 3-й фузилерной роты. В темноте наэлектризованные семеновцы не узнали своих товарищей и, решив, что пришли их арестовывать, всей массой устремились на полковой двор, с криками:

— Ежели хотят хватать, пусть всех вместе схватят! Один конец!

Теперь уже мятеж охватил весь полк. Покуда все это происходило, Вадковский метался по начальникам в тщетной надежде получить от них какую-нибудь помощь. События принимали такой оборот, что уже нельзя было предугадать, во что они выльются. Но украшенные орденами и разно-

цветными лентами генералы, такие уверенные и эффектные на парадах, совершенно растерялись перед лицом этого необыкновенного события. Бригадный командир Михаил Павлович, ничего не придумав, послал Вадковского к начальнику гвардейского штаба Бенкендорфу. У Бенкендорфа Вадковский застал уже полкового адъютанта, рапортовавшего о том, что большая часть полка, вышедши из казарм, собирается на полковом дворе. Растерявшийся Бенкендорф послал Вадковского к Васильчикову. оКрпусный командир потерялся до такой степени, что ничего иного не придумал, как просить совета у командира взбунтовавшегося батальона.

«Корпусный командир был столь милостив, — с плохо скрытой иронией повествует Вадковский, — что спросил у меня мое мнение насчет встретившихся обстоятельств лейб-гвардии в Семеновском полку и позволил изложить ему меры, полагаемые мною полезнейшими, для восстановления надлежащего порядка».

Вадковский еще попытался порекомендовать освободить роту е. в. Но Васильчиков, посоветовавшись с Бенкендорфом, заявил, что роту ни в коем случае не освободит, и велел объявить солдатам, что в 8 час. утра будет инспекторский смотр.

Теперь уже Васильчиков рассудил за благо выздороветь, но ехать в полк все-таки не решился. Михаила Павловича, вызвавшегося говорить с солдатами, он тоже побоялся пустить в полк. Васильчиков понимал, что и он, и великий князь, и любой из командиров аракчеевской закалки могут своим появлением только еще подлить масла в огонь. Приходилось за помощью прибегнуть к тем самым людям, которые, по убеждению аракчеевских выучеников, «распускали» солдат. В 4-м часу ночи

Васильчиков отправился к военному губернатору гр. Милорадовичу, известному боевому генералу, пользовавшемуся широкой популярностью в солдатских массах, и попросил его переговорить с семеновцами. Милорадович поспешил в казармы. На полковом дворе в темноте толпились возбужденные группы солдат. Завидев любимого генерала, они снимали фуражки, но отказывались строиться, ибо за отсутствием 1-й, «головной» роты им не к кому было пристраиваться. Милорадович так ни с чем и уехал. Та же участь постигла и приехавшего следом за ним Бенкендорфа, который по возвращении доложил Васильчикову о том, что Шварц скрылся. Васильчиков отрешил его от должности и передал командование полком ген. Бистрому. Это уже означало некоторую капитуляцию, ибо Бистром принадлежал к числу командиров старого покроя и был любим солдатами. Но ни Бистром, ни любимый семеновцами Потемкин, тоже командированный в полк, не смогли привести солдат к повиновению.

«В течение сей ночи, что делал генерал Васильчиков? — негодует Вадковский. — Мог ли он забыть, что целый полк в беспорядке ждал его на площади полкового двора, не внимая ни просьбам, ни угрозам своих офицеров»?

Васильчиков прибыл в полк только в 9-м часу утра, не ранее того, как все иные средства были исчерпаны и он, наконец, понял, что должно предпринять нечто самому. Изобретательностью он не отличался и рассудил все три роты, по примеру первой, заключить в крепость. Но прежде того Васильчиков принял всяческие меры предосторожности: Бистрому было велено, покуда Васильчиков объясняется с солдатами, занять казарму

лейб-егерями, а Орлов получил приказ стоять с конногвардейцами вблизи от площади.

Едва Васильчиков вышел из кареты, как нестройная толпа солдат надвинулась на него. Он приказал построиться поротно и побатальонно, но и его повеление осталось невыполненным. Тогда Васильчиков заявил солдатам, что приказал предать суду их арестованных товарищей, а так как остальные роты оказали такое же сопротивление, то велел всем им отправляться в крепость.

— Где голова, там и хвост, — раздалось среди солдат, и они охотно, даже не зайдя в казармы, все такой же нестройной толпой направились в крепость.

В то время на Фонтанке, близ Летнего сада, жил друг Пушкина А. И. Тургенев. Он рассказывал: «В понедельник поутру весь Семеновский полк, исключая двух или трех сот солдат, оставшихся в казармах, посажен в крепость. Они шли спокойно и без оружья, в одних шинелях мимо нашего дома. Я спросил у них: — Куда вы?—«В крепость».— Зачем? — «Под арест». — За что? —«За Шварца».

V

Такова внешняя история этого необычайного, беспримерного до того времени в летописях военной истории события. Но можно ли назвать описанное происшествие восстанием? Изученное во всех своих мельчайших подробностях, оно само по себе свидетельствует о том, что это было скорее на восстание, а демонстрация, или еще точнее — забастовка. В самом деле, где же это видано, чтобы восставшие бунтовщики проявляли такое миролюбие? Так ли вели себя восставшие солдаты и матросы в 1905 или 1917 году?

Это именно и была демонстрация, носившая притом еще и характер экономического протеста. Выше мы ведь убедились, что в основе жалоб семеновцев лежали материальные тяготы и материальные лишения. Подобный характер солдатского возмущения был вполне закономерен в условиях феодально-крепостнического строя, при котором солдат оставался по существу тем же крепостным крестьянином. Только одежда его менялась да еще, пожалуй, внешние формы принуждения, по существу сохранявшиеся те же самые. И подобно тому, как в крепостном имении на усиление барщины крестьяне отвечали волнениями, точно так же волнением ответили на совершенно аналогичные явления крестьяне, одетые в мундиры л.-гв. Семеновского полка.

Но было в этом волнении и нечто новое, являвшееся непосредственным следствием экономического, в частности аграрного кризиса, переживавшегося страной. Один из исследователей революционного движения крепостной эпохи уже отметил, что наряду с неуклонным ростом от 1819 к 1825 г. кривой крестьянских волнений, самые волнения эти, еще не доросшие до отчетливого политического сознания и являвшиеся покуда еще только ясно осознанным протестом против прав крепостного владельца, тем не менее уже приобретают новые черты. Крестьянские восстания до кризиса были совершенно разрозненны, вызывались они сплошь и рядом специфическими условиями данного имения, между всеми этими волнениями не было никакой внутренней связи, и они довольно легко локализовались правительственным воздействием.

Кризис наполнил новым содержанием аграрные волнения. Этим объясняется то, что волнения в

известной мере утрачивают характер изолированности и, начавшись в одном месте, быстро распространяются по окружности. Этим же объясняется и возрастание внутренней организованности аграрных волнений, а, стало быть, и их сплоченность и устойчивость.

Если существование прямой зависимости солдатского движения от крестьянского не может уже вызывать в нас ни малейшего сомнения, если для нас совершенно очевидно, что солдат александровской армии, восставая против армейского строя, восставал прежде всего, как и отец его и младший брат, оставшиеся в деревне, против крепостного строя, — если все это нам ясно, то нет ничего удивительного и в том, что восстание Семеновского полка отразило и конденсировало в себе те сдвиги, которые произошли в характере крестьянских волнений в результате аграрного кризиса.

Беспорядки в полках бывали и прежде; солдатское недовольство и до того прорывалось наружу. Но этот необыкновенно организованный характер, эту замечательную сплоченность всего солдатского коллектива, эту поистине железную стойкость солдатское недовольство проявило впервые именно 17 октября 1820 г.

Значение выступления семеновцев нисколько не умаляется оттого, что оно не приняло формы вооруженного столкновения, оставшись в рамках неповиновения высшему начальству, своеобразной манифестации, вернее даже — стачки. Едва ли сейчас кому-нибудь придет в голову отрицать значение стачечной борьбы. А в условиях александровской России, в условиях феодализма и крепостничества эта первая военная стачка должна была оказать, и действительно оказала большое

влияние на развитие брожения в солдатских массах.

Будь семеновское восстание ответом на специфические условия, господствовавшие в данном полку, оно бы так и задохлось одиноко на полковом дворе, как это неоднократно случалось прежде, в других полках, протестовавших против тухлой каши или лишних нарядов. Но Шварц был, как мы знаем, не только жестоким командиром, но и частью правительственной системы. И общность причин породила живой отклик на восстание семеновцев в других гвардейских частях.

Правительство имело полные основания радоваться тому, что дело обошлось без военного вмешательства, ибо все гвардейские полки в эти дни открыто выражали сочувствие семеновцам, и большинство полковых командиров сомневалось в реальной возможности двинуть свои полки против мятежников, если бы этого потребовали обстоятельства. Современники рассказывают, что «даже егеря, наиболее надежные из всех пехотных полков, колебались и выражали полное нежелание итти против товарищей, и нужна была энергия Бистрома, чтобы побудить их к тому».

Солдаты Московского полка, встречавшие семеновцев на пути в крепость, обнимали их со слезами на глазах. «Преображенцы громко роптали, горько оплакивали судьбу их братьев по оружию» и говорили, что гибель семеновцев поведет к их собственной гибели. Лейб-гренадеры, стоявшие в крепости на карауле, кричали:

— Сегодня очередь Шварца, не худо было бы, если б завтра настала очередь Стюрлера (их полкового командира).

И т. д., и т. п.

Это не была мимолетная вспышка сочувствия

пострадавшим товарищам. Ближайшие после семеновского восстания месяцы отмечены были серьезным брожением в гвардии, из-за которого правительству мерещился призрак военной революции. Недаром «верноподданный» флигель-адъютант Бутурлин в это время высказал паническое предположение, что, найдись только офицер, способный возглавить солдат, как «все пошло бы к чорту».

В гвардейских казармах появились писанные прокламации, вышедшие, по всем данным, из солдатской же среды, проникнутые резкими антидворянскими настроениями и заключавшие призыв к экономическому и политическому перевороту. Крепли грозное для правительства солдатское единство, братская солидарность между отдельными полками, настроение которых, по отзывам современников, было «мятежническим». Этот «мятежный дух» выражался прежде всего в постоянных протестах и жалобах солдат на жестокое обращение и разные несправедливости. Как видим, судьба семеновцев никого не устрашила. Еще серьезнее были отдельные вспышки возмущения в разных полках, а также подслушиваемые сыщиками солдатские разговоры о том, что «ежели государь не простит семеновцев, тогда все гвардейские полки положат ружья», или, что надо только выждать время, и тогда все полки поднимутся. Солдатские настроения нашли наиболее отчетливое выражение в откровенном заявлении лейб-егеря Гущеварова, что в случае истребления Семеновского полка «вся гвардия взбунтуется и сделает революцию».

Правительство усердно вылавливо всех наиболее выдающихся солдат. В списках шлиссельбургских узников этого периода находим свыше двух де-

сятков солдат разных гвардейских полков, заключенных за солдатскую пропаганду. Вместе с тем правительство пошло и на некоторые уступки, довольно значительно смягчив каторжные условия солдатского быта. Вслед за тем 14 мая 1821 г. большая часть гвардии была выведена в заграничный поход, официально мотивировавшийся революцией в Пьемонте. Но пьемонтская революция была подавлена местными средствами прежде, нежели русские войска успели перейти границу, а назначенный главнокомандующим А. П. Ермолов прибыть к своей армии. Тем не менее гвардия была размещена на зимние квартиры в Литве, где в своеобразном карантине оставалась около года. Все это вместе взятое — обескровление гвардии путем изъятия всех «вольнодумцев», крутая расправа с семеновцами (о чем речь впереди), заграничный карантин и умело преподнесенные уступки, — привело к некоторому успокоению гвардии. Успокоение это, однако, было чисто внешним и весьма призрачным. Декабрист Андреевич справедливо замечал, что мятежное настроение столь широко разлито в солдатской массе и «чувствующих так много, что, дабы истребить их, надобно потерять большую часть войска».

VI

Если для гвардейских низов семеновские события имели огромное воспитательное значение, то и на будущих декабристов это первое солдатское возмущение, особенно на фоне западно-европейских революций той поры, не могло не произвести сильнейшего впечатления. Ф. Н. Глинка, например, расценивал это солдатское возмущение как начало революции. Об огромном впечатлении этого события дает представление и такая характерная

черточка: в сознании заговорщиков семеновские дни стали памятной хронологической вехой, которой измерялась относительная давность других событий. Рылеев, напр., показывал, что не знает, когда принят был в общество Иван Пущин. «Знаю только, что он из самых старых членов и был принят задолго до возмущения Семеновского полка».

У некоторых будущих декабристов в то самое время мелькала даже мысль об использовании семеновского восстания в своих интересах. Николай Тургенев, встретив И. И. Пущина, служившего тогда в гвардейской артиллерии, сказал ему: «Что же вы не в рядах восстания Семеновского полка? Вам бы там надлежало быть». М. Ф. Митьков, посланный с батальоном л.-гв. Финляндского полка на усмирение мятежников, собирался спросить солдат, пойдут ли они против семеновцев, но в это самое время получил приказ возвращаться в казармы, ибо девять рот восставшего полка без сопротивления были отведены в крепость.

Удивляться всему этому не приходится. Семеновское восстание сыграло огромную роль в оформлении декабристского мировоззрения, поставив заговорщиков перед фактом нарастания массового движения. Одних оно оттолкнуло от революции, других, напротив, укрепило на революционных путях. Характерно и то, что на известном московском съезде заговорщиков в 1821 г. решено было «действовать на войска и приготовлять их на всякий случай». Именно семеновское восстание вплотную поставило перед декабристами вопрос о роли армии в революции, и потом этот вопрос уже никогда не сходил с обсуждения. Прежде того он никогда даже не возбуждался, и будущие декабристы, застигнутые волнениями со-

вершенно врасплох, попросту растерялись, особенно еще потому, что за этими бунтовщиками, одетыми в мундиры императорской гвардии, они угадывали опасность крестьянской революции, которой «либералисты» из Союза благоденствия боялись, пожалуй, не менее, чем боялось ее правительство. Никакой попытки подхватить знамя мятежа и использовать его тактически заговорщики не предприняли. Они сами же это со всей категоричностью засвидетельствовали много лет спустя, когда не было уже никакой нужды в конспирации. Фонвизин, например, решительно заявил, что, хотя «действительно в этом полку лучшие офицеры были члены Союза благоденствия, но они никакого участия в бунте солдат не имели...»

О непричастности к волнениям офицерства и в частности будущих декабристов свидетельствует и тот факт, что ни следствие по делу Семеновского полка, ни через пять лет следствие по делу декабристов при всей тщательности следственного производства не обнаружили ни малейшего намека на какую-либо связь между офицерским и солдатским движением в 1820 году. Напротив того, при допросах декабристов отыскались яркие свидетельства обратного, указывающие вместе с тем и на то, что наиболее радикально настроенные заговорщики впоследствии расценивали поведение офицеров в семеновские дни как грубейшую тактическую ошибку. Рылеев, передавая Батенькову известие о том, что «целый полк может быть на стороне либералов», присовокупил: «Один подобный случай, а именно неповиновение Семеновского полка, был уже пропущен... Не должно повторять ошибок». Тот же Рылеев, в тревожные декабрьские дни беседуя с Булатовым, сокрушался, что «партия их упустила... самый удобный случай

во время возмущения Семеновского полка». Булатов отвечал, что «они тогда не так были сильны, но теперь совсем готовы». Член Общества соединенных славян А. И. Тютчев, переведенный после семеновского волнения в Пензенский пехотный полк, говорил в 1825 г. встреченным им бывшим семеновцам: «Мы было начали в Петербурге дело, но не кончили, то здесь надобно окончить».

Нет, не „*мы*", а „*они*" солдаты, начали дело. Вся сумма имеющихся данных неоспоримо свидетельствует о том, что семеновские волнения, как и последовавшее за ними революционное движение в петербургской гвардии, никем не были инспирированы и не имели вождей. Это было подлинно массовое движение, всецело порожденное обострением классовых противоречий. И именно это свидетельство пробуждения солдатских масс было для правительства самым страшным.

Следственные органы сделали все возможное и невозможное для того, чтобы доказать, что инициатива выступления принадлежала офицерскому корпусу полка[1].

Первым подсказал Александру эту мысль дежурный генерал Закревский. Сообщая царю о семеновском восстании, он присовокуплял, что «трудно поверить», чтобы солдаты решились на восстание, «если бы не были кем-нибудь особенно к

---

[1] Равным образом и авторов упомянутых выше прокламаций правительство первоначально искало не в солдатской и даже вообще не в военной среде. Подозревались будущий декабрист Н. И. Тургенев, Греч, бывший директором солдатских школ, наконец, уже знакомый нам Каразин, попавший даже из-за этого в Шлиссельбург. Но из этих поисков ничего не вышло: раскрыть аноним так и не удалось. На основании всех имеющихся данных, должно заключить, что авторами прокламаций были тоже сами солдаты.

тому подучены и даже руководимы... Зачинщики и руководители, вероятно, окажутся не из нижних чинов сего полка... Такое согласие в поведении трех тысяч человек без особенного руководства — невозможно. Прискорбно подозревать неблагонамеренного между офицерами, но кто знает русского солдата, тот верно не усомнится, чтоб посторонний человек в силах был владеть им».

Александр с благодарностью ухватился за эту мысль. Увлекшись подсказкой Закревского, Александр пошел еще дальше, пытаясь убедить себя и других в том, что и офицеры тут не при чем. «Никто на свете меня не убедит, — писал он Аракчееву, — чтобы сие происшествие было вымышлено солдатами... По моему убеждению, тут кроются другие причины. Внушение, кажется, было не военное; ибо военный умел бы их заставить взяться за ружье, чего никто из них не сделал, даже тесака не взял... Признаюсь, что я его приписываю тайным обществам». То же самое предположение Александр повторил в беседе с австрийским министром Меттернихом, который рассказывал: «Царь думает, что есть причина для того, чтобы 3.000 русских солдат отважились на дело, так мало свойственное народному характеру. Он воображает даже, что это дело радикалов, желавших устранить его и заставить возвратиться в Петербург. Я не согласен с ним, — добавляет Меттерних. — Это было бы уж слишком, если бы в России радикалы могли располагать целыми полками».

Однако Александр неспроста убеждал вдохновителя Священного союза в том, что волнения спровоцировали «радикалы». Это было ему гораздо выгоднее, нежели дать Меттерниху почувствовать, что революционный дух проник уже и в сол-

датские массы. И следственные органы ретиво принялись за бесплодные поиски связей семеновских событий с тайными обществами.

Нет ничего удивительного в том, что и самим «радикалам» задним числом выгодно было доказать свое влияние на семеновские волнения. И вот в 1822 г. появляется написанная по горячим следам рукописная статья о семеновских волнениях, с большой долей вероятия приписываемая Рылееву, в которой, между прочим, говорится, что «офицеры не только не старались остановить солдат, но еще внутренне радовались сему движению. Хотя из осторожности никто из них не принимал деятельного участия, но чувства каждого, вырываясь невольно, более и более воспламеняли угнетенных страдальцев. Все кипели и волновались».

Статья эта преследовала агитационные цели, очень вероятно даже, что впоследствии она широко распространялась. В статье есть преувеличения. Таким преувеличением является, несомненно, и приведенное замечание. Однакоже сочувственное отношение некоторых семеновских офицеров к мятежным солдатам обнаружилось еще в самом разгаре событий. Так, каптенармус 3-й роты Бобровский неосторожно проговорился о том, что ротный командир его, С. И. Муравьев-Апостол, посылал его в крепость для свидания с арестованными. Бобровский был посажен в Шлиссельбург, но на допросе весьма находчиво объяснил, что посылаем был будто бы с целью проверки провианта роты. То же самое повторил и Муравьев. В действительности же он посылал Бобровского для того, чтобы завязать сношения с семеновцами, а так как в крепость пропускались только солдаты фурштадтской команды[1], он переодел

[1] Обозная или продовольственная команда.

каптенармуса в фурштадский мундир. Однако следственным органам не удалось доискаться истины, и Муравьев по приказу царя отделался всего тремя сутками ареста за то, что «осмелился утайкою» посылать Бобровского в крепость, тогда как мог сделать это легально. «Случай этот показывает, — замечает историк В. И. Семевский, — что если Муравьеву-Апостолу, а, быть может, и другим офицерам нужно было условиться с нижними чинами о том, что они должны показывать на допросах, то для этого была возможность; с другой стороны, из этого видно, что Муравьев-Апостол мог иметь серьезные основания для тайных сношений с арестованными». Догадка эта имела бы большие основания, будь у нас другие конкретные данные о наличии какой-либо организационной связи между офицерами и солдатами. За отсутствием же таковых вероятнее будет предположить, что С. Муравьев попросту заботился о материальном обеспечении арестованных, и это тем более вероятно, что и некоторые другие офицеры, как известно, проявляли такую же заботливость по отношению к своим арестованным солдатам.

Более серьезные обвинения пали на двух других семеновских офицеров, полковника Д. П. Ермолаева и капитана кн. И. Д. Щербатова.

Ермолаев изобличен был во множестве «преступлений». Он неоднократно домогался свиданий с арестованными солдатами. В частности в сентябре 1821 г. он ездил на Охтенский пороховой завод, где пытался проникнуть к содержавшимся там наказанным семеновцам. Он вел переписку с выписанными в армию нижними чинами, помогая им деньгами и называя их «любезными друзьями». Он заготовил (но не отослал) бичующее письмо полк. Шварцу, в котором называл его палачом,

недостойным именоваться человеком. Он сам сознался, что «иногда при нижних чинах, когда стояли вольно, не мог удержаться, чтоб не пожать плечами при его, Шварца, гневе или не засмеяться при его кривлениях». Более того: получены были сведения о том, будто Ермолаев «во время бытности его в полку обещал 500 рублей тому, кто убьет полковника Шварца».

«Вина» князя Щербатова может быть сформулирована короче, но она от того не менее выразительна. Находясь во время волнений в отпуску и узнав подробности о них из писем тех же Ермолаева и Муравьева-Апостола, он отвечал 30 октября Ермолаеву: «Ты не поверишь, как жалко было мне узнать, что офицеры не остались при солдатах... Я вижу, что нашему брату не нужно было отставать в благородной решимости сих необыкновенно расположенных, хотя и некоторым образом преступных, людей». Фраза эта вызвала особенное раздражение и беспокойство следователей, ибо, вопреки всем последующим попыткам самого Щербатова и его корреспондентов истолковать ее в невинном смысле, она недвусмысленно свидетельствовала об убеждении автора в том, что офицеры должны были возглавить начавшееся солдатское движение.

Все это, однакоже, говорило только о сочувствии обвиняемых к волнениям солдат, может быть, об оправдании ими этих волнений, но не более того. Сколько ни старались следователи, совершенно очевидно было, что из Ермолаева и Щербатова никак нельзя выкроить вождей или организаторов восстания. Но на Щербатове лежала еще и другая вина: родственные и дружественные связи с лицами, подозревавшимися в принадлежности к тайному обществу. Отчасти в

меньшей степени был «повинен» в том же и Ермолаев. Щербатову обещали даже полное помилование за сведения о тайном обществе, но он ничего не открыл, хотя, несомненно, ему многое было известно. И, вопреки совершенной ясности дела, Ермолаев и Щербатов продолжали долгие годы томиться в тюрьме в ожидании приговора, который был вынесен только уже после восстания декабристов, 27 февраля 1826 г. Военно-судной комиссией Ермолаев приговорен был к смертной казни, а Щербатов, по лишении чинов, орденов и княжеского достоинства, к «наказанию на теле». Согласно конфирмации Николая I, оба разжалованы в рядовые с выслугою и определены в Кавказский корпус.

Ничего не сумели следователи извлечь и из Вадковского и Кашкарева, которые тоже были преданы суду. Если Ермолаева и Щербатова удалось изобличить только в сочувствии к волновавшимся семеновцам, то ответственность Кашкарева и Вадковского никак нельзя было раздуть более обвинения их в потворстве и нераспорядительности во время волнений. Сделать из них вождей восстания тоже было никак невозможно. Вадковскому Александр, как и Щербатову, обещал прощение в случае, если он откроет членов тайного общества, руководивших волнениями. Вадковский отвечал очень дипломатично, что считает невозможным думать, чтобы восстание «могло быть приписано политическим видам или подстрекательству со стороны общества офицеров», хотя признавал это возможным, если бы происшествие случилось шестью годами ранее, когда «узы дружбы и привычки связывали 60 существ, которые составляли как бы одно».

Ставка на тайное общество оказывалась, оче-

видно, битой. Следственным органам и правительству было совершенно ясно, что налицо типичное солдатское возмущение, никем извне не инспирированное и не подготовленное. Но признаться в этом означало констатировать опаснейшую трещину в феодально-крепостническом строе. Для России и особенно для Европы необходимо было во что бы то ни стало найти конкретного виновника, изобразив солдат несчастными жертвами заблуждения.

Бунт в личной гвардии русского царя, «блюстителя равновесия» в Европе, охранителя самодержавия, должен был весьма невыгодно подействовать на европейское общественное мнение. Можно ли было признаться в том, что любимый полк Александра, его верные преторианцы, возведшие его двадцать лет назад на престол, оказались настолько распропагандированными, что их протест, вызванный условиями военной службы, объективно превратился в протест против крепостнического строя?

Когда Чаадаев привез царю известие о восстании, первая мысль Александра была о том, что иностранные посольства в большинстве помещаются на набережных и, стало быть, посланники могли с балконов наблюдать за отправлением семеновцев в Финляндию. Чаадаев успокоил царя, что «ни один из них не живет на Невской набережной». Но если члены дипломатического корпуса в Петербурге и не видели развязки волнений, то о самых событиях, конечно, не могли не знать и доносили своим правительствам о том, что «раздаются общие жалобы против гибельной мании всей императорской фамилии, особенно великого князя Михаила, мучить солдат».

Правительству необходимо было убедить Европу в том, что волнения явились следствием от-

нюдь не «царской мании», не системы, а произошли в результате частного случая, в результате как раз отклонения от этой благодетельной системы. Нужно было внушить это и отечественному «общественному мнению», которое уж очень громогласно выражало свое сочувствие семеновцам. «Всеобщее участие в их пользу. Один голос за них: от либерала до ультра-глупца», — свидетельствовал А. И. Тургенев в письме к кн. П. А. Вяземскому. В Английском клубе, по словам Н. И. Тургенева, в эти дни только и говорили о семеновцах, сожалея о них и удивляясь их благородству. «Члены клуба, часто столь пустые, в сем случае изъявляют свое мнение». Тогда же Закревский жаловался, что «публика, увлеченная мнением родственников семеновских офицеров, во всем оправдывает полк и обвиняет одних начальников».

Сочувствие к мятежникам беспрестанно прорывалось наружу в бесконечных разговорах, в сотнях вскрывавшихся писем.

«В сем неповиновении, — читаем в одном таком письме, — когда узнаешь дело, в сущности найдешь геройство, смирение, твердость, единодушие, воздержание и даже подчиненность... Я иного не вижу в этих инсургентах (мятежниках), как 3.000 невинных жертв... Начальники у нас умеют повелевать только теми творениями, в коих не действуют пружины душевные... Мы требуем слепого рабства... Я удивляюсь, что восставшие против тирании на первом шаге остановились»...

Другой современник, личный секретарь вдовствующей императрицы, Н. М. Лонгинов, человек, которого никак нельзя заподозрить в революционных симпатиях, писал в то же время, что «карбонары появляются только тогда, когда народ доведен до отчаяния, и у нас уже есть элементы для

появления их, начиная с самих защитников отечества. У нас только военные пользуются уважением, но в то же время это самые несчастные люди. Отчаянный поступок Семеновского полка доказал это лучше, чем что бы то ни было».

Все эти отзывы настолько выразительны, что вряд ли нуждаются в комментариях. Семеновцы, оказывается, волновались потому, что «народ доведен до отчаяния», потому что они «самые несчастные люди», они протестовали «против тирании» и «слепого рабства». Необходимо было доказать обратное. Срочно создана была официальная версия, формула которой была тотчас же обретена. Волнения семеновцев наспех интерпретировались как простой, случайный да еще и инспирированный «салонными шаркунами» солдатский протест против жестокости полкового командира. Явно в интересах широкой популяризации этой удобной версии с.-петербургский почт-директор К. Я. Булгаков тогда же писал своему брату, московскому почт-директору: «Тут, кроме величайшего неудовольствия на полкового командира Шварца, совершенно никакой другой причины не было... Офицеры не участвовали ни в чем, а равно и другие гвардейские полки. Это сущая правда. У вас будут много врать, вероятно: для того и тебя предваряю, чтобы ты знал истину».

То же самое в сущности повторил и цесаревич Константин в приказе о волнениях семеновцев от 21/XI по польским войскам и Литовскому корпусу: «Объявляя о сем по высочайше вверенным мне войскам, я в полной мере уверен, что оные примут сие с прискорбием и особенно как случившееся в таком полку, который, будучи из первых в российской лейб-гвардии, долженствовал бы служить примером благоустройства прочим полкам, при-

чём долгом поставляю присовокупить, что токмо от неумения полкового командира поведением своим удержать полк в должном повиновении и гг. офицеров обращаться с солдатами и заставлять себе повиноваться могут происходить таковые вредные происшествия».

В том же смысле, по предложению Кочубея, в министерстве иностранных дел составлено было полуофициальное сообщение о волнениях в Семеновском полку для помещения в наиболее распространенных газетах Западной Европы.

Во всем виноват Шварц. Эта мысль упорно вдалбливалась в сознание всех и каждого: в официальных сообщениях, в приказах, в инспирированных правительством письмах. Официальная легенда вскоре дала плоды. В Государственном совете «с негодованием и ужасом отзывались о Шварце». В клубах и в гостиных ругали Шварца. Объективные причины подменивались субъективными качествами отдельного лица. Ответственность с правительства перемещалась на плечи его верного слуги, который если и был в чем-нибудь виноват, то только в том, что слишком усердно и точно исполнял волю верховной власти.

Характерно, что в самый разгар волнений, 17 октября, когда система управления полком, введенная Шварцем, казалось бы, уже доказала свою полную несостоятельность, Васильчиков приказал ему «не изменять ни в чем правил прежнего порядка». Стало быть, тогда Шварц был еще хорош, еще удовлетворял требованиям высшей власти. И только тогда, когда выяснилась невозможность сделать ответственными за волнения офицеров или посторонних «либералистов», только тогда явилась необходимость принести Шварца в жертву, свалить вину на него. Виновата не вся государ-

ственная машина, а только одно маленькое колесико, которое на самом деле вертелось четко и бесперебойно, отлично выполняя свои функции.

Шварц именно принесен был в жертву. Достаточно сказать, что, предавая его суду, царь одновременно признавался Аракчееву, что убежден в невиновности Шварца: «Он был всегда известен за хорошего и исправного офицера и командовал с честью полком, отчего же вдруг сделаться ему варваром?» Характерно и то, что две военно-судные комиссии не могли открыть необычайных жестокостей Шварца потому, конечно, что все эти жестокости были совершенно в порядке вещей.

Тем не менее военно-судная комиссия нашла Шварца виновным «в нарушении законом определенных прав самоуправством и в унижении привилегий, установленных в память военных действий», «в производстве презрительных наказаний, на которые не давали ему права ни военные, ни гражданские узаконения», в ослаблении уважения, присвоенного его чину, и т. д., и т. п. Александр повелел отставить Шварца от службы с тем, чтобы впредь никуда его не определять.

Все это было сделано для «общественного мнения». В действительности же правительство вовсе не намеревалось карать верного и исполнительного слугу. Аракчеев первый заступился за своего птенца, и Шварц был зачислен в корпус военных поселений, но, правда, не получил в команду никакой части войск, что побудило его в конце концов выйти в отставку.

Дальнейшая судьба Шварца хорошо не изучена, но есть одно очень любопытное свидетельство современницы, близко знавшей Шварца. Оно несколько напоминает легенду, однако от того не менее характерно:

«Полковник Шварц, будучи уже в отставке, иногда приезжал в Петербург и всегда посещал великого князя Михаила Павловича, с которым был в дружеских отношениях. У великого князя он встретился с государем. Государь, уверенный более чем кто-либо в невиновности Шварца, обошелся с ним крайне милостиво. Видя его в статском платье, он сказал ему: «Я желал бы видеть тебя в мундире»... Через несколько дней после этой встречи Шварц получил приглашение к обеденному столу во дворец. Обед был семейный. Шварц поехал во дворец во фраке, в высоко до ушей повязанном черном галстухе и в черном до самого верха застегнутом жилете. Очевидцы рассказывали, что этот оригинальный туалет, вовсе не подходивший для приезда во дворец, придавал всей его фигуре необыкновенно мрачный характер, так что государь, увидав его, невольно улыбнулся и тут же воскликнул: «Нет, не могу видеть тебя во фраке; ты наденешь мундир непременно». Полковник Шварц был снова принят на службу, и государь продолжал оказывать ему свое милостивое внимание».

Комментарии и в данном случае будут излишними. Добавим еще только последний характерный штрих: в 1850 г. генерал-майор Ф. Е. Шварц за истязания солдат приговором военного суда исключен был навсегда из службы с воспрещением въезда в столицы.

VII

В темный осенний вечер рота его величества, в числе 167 человек, под конвоем вооруженных павловских гренадер, в полном порядке промаршировала в Петропавловскую крепость. Одни

только барабанщики и флейтщики, еще когда роту вели в манеж, отпущены были домой. По прибытии в крепость мятежная рота сдана была в распоряжение плац-майора [1] Подушкина, во власть которого через пять лет попали декабристы. Пьяница и вор, этот царский тюремщик прославился своим варварским отношением к заключенным, за что правительство осыпало его наградами, покуда, спустя несколько лет, он сам не угодил в крепостной каземат за слишком наглое взяточничество. На произведенный им опрос солдаты отвечали, что они не отказываются исполнять приказания начальства и готовы итти, куда он прикажет, без всякого сопротивления. Засим солдаты размещены были по казематам.

На следующее утро в крепость были доставлены прочие роты восставшего полка. По выражению Вадковского, они шли «в виде неустроенной толпы, а не гвардейского полка». Но в крепости солдаты выстроились во взводные колонны, после чего были поротно рассажены в казематы.

Учитывая возбужденное настроение петербургской гвардии, Васильчиков счел рискованным оставлять в столице весь мятежный полк, хотя и безоружный и в заточении. 19 октября он распорядился 1-й батальон (около 750 человек), как наиболее виновный, оставить в Петропавловской крепости, а два других батальона отправить: 2-й — в Свеаборг, а 3-й — в Кексгольм. Батальонные командиры их сказались больными, и вести 2-й батальон поручено было Вадковскому (дело происходило еще до предания его суду). По этому случаю он был осыпан знаками внимания, но вместе с тем петербургские власти настолько спешили

[1] Помощник коменданта.

убрать мятежников из столицы, что Вадковскому дали только час на то, чтобы проститься с родными и собраться в поход.

С раннего утра столица напоминала военный лагерь перед генеральным сражением. К Троицкому мосту стянуты были л.-гв. Казачий, Кавалергардский и Гренадерский полки. «По принимаемым мерам начальниками, — замечал Вадковский, — всякий здравомыслящий должен был заключить, что неприятель находился в окрестностях города: ибо, встречая в одном месте Кавалергардский полк, в другом — Конногвардейский, здесь — лейб-казаков, там — артиллерию, далее — пехоту, нельзя было думать, что все сии войска тронулись для усмирения горсти обезоруженных людей».

Конечно, все эти меры предосторожности принимались не против самих семеновцев, а на тот случай, если бы сочувствие к ним других гвардейских полков прорвалось наружу. Угроза же подобного возмущения, как выше мы убедились, была вполне реальна.

3-й батальон выступил в Кексгольм сухим путем по Выборгской дороге. Следом за ним, в расстоянии 5—6 верст, ехали 60 лейб-казаков для задержания отсталых и наблюдения. И это несмотря на то, что оба батальона отправлены были хотя и в полной походной амуниции, но без ружей и тесаков. Нижним чинам разрешено было взять из своего имущества только то, что умещалось в походных ранцах.

Таким же манером 2-й батальон был погружен на три корабля для отправки в Кронштадт, а оттуда — в Свеаборг. «В 11 часов пополуночи, — вспоминает Вадковский, — сопутствуемый ветром и дождем, я поплыл из Санкт-Петербурга, предво-

дительствуя 8-ю стами в ветхих шинелях одетыми людьми, из коих половинное число было почти без обуви».

Поздним вечером прибыли в Кронштадт. Кронштадтские власти встретили безоружных солдат как «опаснейших нарушителей общего спокойствия». Специальный приказ воспрещал им вход в Кронштадт. Промокшие, иззябшие и целый день не евшие люди были отправлены на военный корабль «Память Евстафия», стоявший тут же на рейде. Это и точно была только «память» о былом корабле — старая, разбитая посудина, без бортов, без окон, без рам и налитая водою. Здесь оставались семеновцы до 25 октября, покуда снаряжались предназначенные для них фрегаты. В этих кошмарных условиях, не встречая ниоткуда помощи, Вадковскому едва удалось наладить сколько-нибудь сносное питание солдат.

Закон Петра I воспрещал военным кораблям выход в море в столь позднее время. Но столичная власть спешила избавиться от мятежных семеновцев, и морской министр в избытке холопского усердия удостоверил, что еще спокойно можно доплыть до Свеаборга. Из трех фрегатов, назначенных для батальона, «Патрикия», «Филадельфии» и «Иоганна-Шарлотты», последний в том же году предназначался в лом. Но и два других фрегата «по ветхости своей нисколько не казались способными к дальнейшему пути». Солдаты все это, конечно, знали и, рассаживаясь по судам, с тревогой прощались друг с другом. Опасения их оказались не напрасны.

25 октября подняли якоря и поплыли, преследуемые на всем пути жестокими ветрами, снегом и дождем. Солдаты мерзли, попрежнему не имея достаточно одежды и обуви, голодали, почти не

получая пищи. Сопровождавшие их офицеры помогали им из своих средств. 27 октября налетела сильная буря и разъединила суда. «Патрикий» только на шестой день мучительного пути добрался до Свеаборга. Находившийся на нем Вадковский рапортовал начальству, что ничего не знает об участи двух других фрегатов. В Петербурге об этом тоже ничего не было известно: фрегаты пропали, упорно циркулировали слухи об их гибели. Лишь через неделю было получено известие, что бурей фрегаты были отброшены к южному берегу залива и затем чудом прибиты к Ревелю. Для командования солдатами в Ревель послан был С. Муравьев-Апостол, а через 12 дней представилась возможность перевезти их в Свеаборг.

О жизни семеновцев в финляндских крепостях не сохранилось никаких известий. Мятежные солдаты не писали писем, не оставили они и писанных воспоминаний об этой полосе своей жизни. Только в письме одного из заключенных фельдфебелей проскользнула фраза, что живут они «как совершенно в аде».

Так мстило царское правительство старым, заслуженным ветеранам за то, что они не могли превратиться в бессловесные автоматы и подняли голос против феодально-крепостнического строя. Впрочем царское правительство умело мстить и еще более жестоко.

755 солдат 1-го батальона оставались в крепости до самого окончания следствия и суда, т. е. до конца 1821 года. Теснота в казематах простиралась до того, что не все имели место для сидения. Заключенные стояли и сидели по очереди. Пища была крайне скверная и недостаточная. Случалось семеновцам по нескольку дней не получать

казенного хлеба и питаться «своею экономиею». «Батальон в крепости, — писал А. И. Тургенев Вяземскому, — и от сырости и дурной пищи без кваса, но с водою, в которую кладут уксус, несколько солдат уже занемогли, особливо глазами». По казематам поползли разные болезни: кишечные, цынга, чесотка и пр. Правительство оказалось даже вынужденным оборудовать при крепости дополнительный госпиталь на несколько десятков коек. Но многих солдат приходилось размещать и по городским госпиталям.

Восемь месяцев солдаты мужественно хранили молчание, упорно не выдавая зачинщиков и ограничиваясь уверениями, что все одинаково виноваты. Следователи доносили: «Сколько комиссия могла заметить, то отрицание вообще всех происходит не от истинного незнания, а от сделанного между всеми условия, которое в продолжение восьми месяцев сделалось твердым и обдуманным». «Семеновцы все еще в крепости и крепки мужеством и своею правдою и страданием», — писал тот же Тургенев. Царь из-за границы требовал, чтобы непременно обнаружены были зачинщики, — если не офицеры, не «радикалы», то хоть солдаты же. Только, чтоб это были отдельные злоумышленники, а не масса. Следователи выбивались из сил, но ничего не добились за восемь месяцев.

Пришлось 31 мая учредить новую следственную комиссию, в которую вошли командир сводного пехотного батальона полковник Жуковский, майор учебного Карабинерного полка Басов и обер-аудитор С.-Петербургского ордонансгауза Андреев. Эти уже были в своем роде художниками. Из таких художников вырастали потом палачи III отделения. Душою следственного производства был

Жуковский. Как искусный фокусник, жонглируя угрозами пыток, мучительных казней и щедрыми обещаниями милостей, он уверенно шел к цели.

Отдельные солдаты, на которых падали особо серьезные подозрения, отправлялись в Шлиссельбург. Так, 3 ноября были заключены в корпус, называвшийся впоследствии «Народовольческим», фельдфебель Карманов, каптенармус Петр Федоров и рядовой Дорофей Абрамов. Все они подозревались в причастности к распространению упомянутых выше прокламаций. Шлиссельбургские каменные мешки развязывали подчас даже очень тугие языки. Солдаты, требовавшиеся к допросу в следственную комиссию, после допроса заключались порознь в особые казематы Петропавловской крепости.

Следователи очень хорошо учитывали, что крепостное заключение можно использовать не только как меру пресечения, но и как меру воздействия. Вот любопытные выдержки из дела о семеновцах, характеризующие применявшиеся тогда следовательские приемы. Вскоре после вступления в должность, в начале июня, Жуковский рапортовал дежурному генералу Закревскому:

«Ваше превосходительство, милостивый государь, после сделанных обещаний фельдфебелю Брагину, он ощутительно ободрился и стал говорить откровеннее, а потому не угодно ли будет написать к господину коменданту, дабы дано ему было преимущественное содержание в пище. Сие он, без сомнения, примет за знак совершенной его невинности и, быть может, что и более еще откроет». Мера эта была применена и принесла ожидаемые плоды. Соблазненный Брагин превратился в предателя, в доносчика и послужил следователям главной руководящей нитью при общем край-

не сдержанном и твердом поведении солдат на допросах.

Но этого следователям было еще мало. 1-го июня у изобретательного Жуковского рождается новая блестящая мысль: «Из числа бывших в допросе роты его величества гренадер Венедикт Семенов, находясь в каземате по соседству с фельдфебелем Брагиным, два дня сряду посредством стучанья в дверь приглашал Брагина к разговору. Брагин же всегда по выслушании просил дозволения явиться в комиссию и сообщал им слышанное. Комиссия по сему случаю нашла за нужное в соседственном с Брагиным каземате посадить ныне стрелка Амосова, который объявил комиссии о главных зачинщиках заговора, предполагая, не будет ли Амосов открывать чего Брагину».

Фельдфебель был окончательно развращен. Теперь из предателя он стал провокатором. Ничего, конечно, нет удивительного в том, что в числе 750 человек отыскался негодяй, польстившийся на «преимущественное содержание в пище» и давший развратить себя до той черты, за которой человек теряет право на это имя. Удивительнее в данном случае то, что правительство исполнило свое обещание: через трупы преданных им и засеченных царскими палачами товарищей фельдфебель Брагин шагнул прямо в подпоручики.

Зато Жуковский имел возможность докладывать, что «меры, принятые по прошествии восьми месяцев к открытию виновных, не остались бесплодными». Всеми этими средствами — шантажом, пытками, щедрыми посулами, угрозами и пр., — следователи из многоголовой солдатской массы выудили тех, кого можно было назвать руководителями движения. Требование царя было удовлетворено. Теперь слово предоставлялось суду.

Военно-судная комиссия составлена была лично командующим корпусом. В нее вошли: презусом — генерал Левашев, асессорами [1] — полковники: Преображенского полка — князь Голицын, Измайловского — Воропанов, Егерского — Арбузов и 1-й гвардейской артиллерийской бригады — Статковский. Комиссия нашла виновными:

1) рядовых 2-й роты Павлова, Чистякова и Васильева и 1-й роты Кузнецова — в подстрекательстве нижних чинов к неповиновению начальству и в личном ослушании, обнаруживавшемся словами и действиями;

2) 164 человека рядовых 1-й роты и 52 человека 2-й роты (не возвратившихся в казарму после первого выхода роты) — в самовольном выходе в коридоры и в подании примера общего беспорядка;

3) роты его величества 172 человека комиссия хотя и не признала зачинщиками, но нашла их виновными в нарушении порядка службы и в неповиновении фельдфебелю;

4) рядовые 3-й фузилерной роты, 147 чел., обвинены в том, что последовали примеру других рот;

5) всех фельдфебелей и унтер-офицеров, как не оказавшихся участниками в беспорядках, равно и всех остальных рядовых фузилерных рот, не выходивших из казарм, комиссия не признала виновными.

На основании этого военно-судная комиссия определила: нижних чинов, признанных зачинщиками, лишить жизни; солдат 1-й и 2-й роты, подавших пример беспорядка (т. е. 164 человека 1-й роты и 52 человека 2-й роты) повесить, а осталь-

---

[1] Презус — председатель, асессоры — члены военного суда.

ных, виновных одинаково с людьми других батальонов, выписать, согласно приказу царя, в армию. Сентенция поступила на рассмотрение начальника дивизии бар. Розена, дежурного генерала Закревского и командира корпуса Васильчикова. Первые двое были в общем согласны с мнением комиссии, а Васильчиков нашел, что суд над нижними чинами произведен слабо и в самом суждении о деле сделаны упущения, клонившиеся к обвинению полковника Шварца.

Но сколько бы ни мудрствовали следователи и судьи, последнее слово принадлежало царю. Ознакомившись с делом, он писал кн. Волконскому: «Сообразя приговор комиссии военных судов и желая уменьшить елико возможно число наказуемых, обратя строгость законов единственно на виновнейших, повелеваю: рядовых гренадерской роты: Степанова и Хрулева, 1-й роты: Кузнецова и Петрова, 2-й роты: Павлова, Чистякова и Васильева и 5-й роты Торохова, как настоящих зачинщиков, в пример другим, прогнать шпицрутенами сквозь батальон по 6 раз, с отсылкою в рудники».

Остальных солдат, признанных виновными, повелено было, приведя вновь к присяге, разослать в Оренбургский, Сибирский и Кавказский корпуса. Восемь главных обвиняемых едва ли добрались до рудников: страшное наказание, которому они подвергались, обыкновенно кончалось мучительной смертью истязуемого. Недаром существовало специальное распоряжение предельной циничности о наблюдении «установленного порядка насчет тех, кои в один раз наказания не выдержат».

Старый Семеновский полк перестал существовать задолго до вынесения приговора мятежным

солдатам. Он был расформирован тем самым царским приказом от 2 ноября 1820 г., с которого мы начали наше повествование. «Для немедленного укомплектования л.-гв. Семеновского полка, — говорилось в приказе, — назначаются роты из гвардейских полков по особо данному повелению».

Новый Семеновский полк сформирован был из первых батальонов полков имени императора австрийского, короля прусского и наследного принца: «Сим самым полк сей опять будет хорош. Но все не старый, которого мне весьма будет жаль», — писал Александр Аракчееву. Офицеры нового полка были в среде петербургского офицерства встречены крайне враждебно. Это была демонстрация сочувствия старым семеновцам. Зато правительство поспешило принять все меры к обольщению нового полка вплоть до передачи ему георгиевских знамен старого Семеновского полка. И новый полк постарался доказать самодержавию, что он достоин этих с неба упавших ему георгиевских знамен. В 1831 году он громил польских повстанцев, в 1849 г. принял энергичное участие в подавлении венгерской революции, а еще много спустя, во время московского восстания 1905 г., стяжал кровавую славу своими карательными экспедициями.

Самодержавие добилось своего: заслуженный полк царских преторианцев, в обстановке разложения крепостного хозяйства превратившийся в мощный очаг революционного движения, с 1821 г. стал ретиво выполнять роль царских опричников.

Революционная закваска продолжала бродить зато в тех старых семеновцах, которых царская воля разбросала по разным армейским полкам. Отправка их началась уже в ноябре 1820 г. Часть 2-го батальона, содержавшегося в Свеаборге,

предназначена была к оставлению в Финляндии для распределения по полкам 23-й пехотной дивизии. Остальная большая часть батальона отправлялась сухим путем, минуя Петербург, через Выборг, Ижору и Лугу, в Псков, где от батальона отсекалась новая часть, растворявшаяся в полках 1-й пехотной дивизии. Остальные люди рассылались поровну в Ригу и в Витебск, в полки 2-й и 3-й пехотных дивизий. 3-й батальон из Кексгольма таким же манером рассылался по полкам: 13-й пехотной дивизии — в Переславле-Залесском, 5-й — в Муроме, 15-й — в Коломне и 4-й — в Рязани.

Правительство так и не озаботилось снабдить солдат даже самым необходимым, и они выступили в новый поход попрежнему раздетые и разутые. Известно, напр., что семеновский офицер поручик Михайлов, ведший одну из партий, неоднократно доносил начальству, что у людей нет обуви. Ему отвечали, что его дело вести, а не делать представления, и он потратил своих 2 тысячи рублей на шитье солдатских сапог. На путевое продовольствие положено было по 14 копеек в сутки. Офицеры при солдатах жаловались, что на такие деньги нельзя прокормить людей, «и потому готовы каждый от себя дать людям 1 тысячу рублей».

Таким образом правительство рассеяло три тысячи мятежных солдат по всему необъятному простору Российской империи. В Сибирь, на Урал, на Кавказ, в прибалтийские и южные губернии, в глухие гарнизоны средней России — везде и всюду вкраплены были эти первые солдатские революционеры. Самодержавие преследовало их постоянно и повсюду. Даже за границу доходили слухи об этой систематической жестокости. Известный немецкий писатель Варнгаген фон-Энзе

писал в 1823 г.: «Из солдат этого полка, размещенных тогда по армейским полкам, не осталось в живых ни одного: так утверждают русские, хорошо знающие дело. Говорят, что все они засечены, к чему поводы легко умели найти».

Варнгаген, конечно, преувеличивал. Но даже ультра-официальный историк, М. И. Богданович, признавался, что «судьба нижних чинов Семеновского полка, переведенных в армию, была горестна. Там смотрели на них, как на людей, совершивших самое важное преступление для военного человека, и столь уважаемое имя семеновцев для некоторых из новых их командиров сделалось однозначащим с именем мятежников. Малейшие их проступки были непростительны в глазах начальников, «усердных не по разуму, либо думавших преувеличенною взыскательностью угодить государю».

Усердные командиры и точно угождали царю. Своим отношением к опальным семеновцам они доказали только то, что хорошо выучились читать царские приказы между строк. 20 декабря 1820 г. предписано было увольнять только тех нижних чинов, которых не было при полку во время восстания. Остальные обрекались на бессрочную службу. 11 июня 1821 г. предписано не представлять о производстве на вакансии рядовых в унтер-офицеры. 18 августа предписано унтер-офицеров не производить в офицеры за выслугу лет, и т. д., и т. п.[1].

Умнее всех оказался, пожалуй, цесаревич Константин, который тогда же говорил Александру,

[1] Аналогичные меры приняты были и в отношении офицеров: запрещено было принимать от них прошения об отставке, переводить по их желанию в другие полки, увольнять в отпуск и пр.

что «не кто иной, как он сам заразил всю армию, разослав в ее недра семеновцев, и что это распространит заразу повсюду». Цесаревич на сей раз проявил большую прозорливость.

Столько же прозорливы были и будущие декабристы, которые при учете боевых сил революции никогда не забывали посчитать старых семеновцев. В их верности революционной традиции заговорщики не сомневались. Рылеев, напр., весной 1825 г., рассуждая с К. П. Торсоном о судьбе царской семьи, говорил, что ее можно будет заключить в Шлиссельбург, приставив к ней в караул старый Семеновский полк.

И Константин и заговорщики нисколько не ошибались. Уже очень скоро после расправы с семеновцами произошло событие, подтверждавшее, что не случайно инициатива первого солдатского протеста принадлежала именно Семеновскому полку. 28 января 1821 г. граф Кочубей писал Александру I: «Батальон старого полка, посланный во Псков, повидимому, вел себя там дурно. Об этом говорили в городе, но губернатор не донес мне о том; я сделал ему выговор с эстафетой и потребовал, чтобы он прислал мне обстоятельное донесение». А произошло во Пскове следующее. Возмущенные грубой придирчивостью начальства, семеновцы едва не подняли новый бунт. Дивизионный командир приказал троих солдат за «грубые и дерзкие ответы» наказать розгами в присутствии их товарищей и затем освидетельствовать на предмет установления, хорошо ли они наказаны. Били нещадно. Среди солдат поднялся ропот, кричали, что их товарищи страдают безвинно, и, как некогда на полковом дворе: «Если начали уже наказывать, то наказывайте всех нас!»

С трудом Вадковскому, сопровождавшему семеновцев, удалось водворить порядок.

Это была еще только интермедия. Несравненно важнее и интереснее другой факт. Семеновцы, высланные из Петербурга и раскассированные по армейским полкам, приняли деятельное участие в движении декабристов на юге.

Дело происходило летом 1825 г., когда, по расчетам Южного общества декабристов, революция была уже близка. Надлежало мобилизовать силы и прежде всего развернуть пропаганду в солдатских массах, с которыми до того у заговорщиков не было настоящей связи. Тут-то и пришли им на помощь старые семеновцы, рассеянные по армейским пехотным полкам.

В августе части 3-го пехотного корпуса сосредоточились на лагерный сбор в районе Житомира. «В 3-м корпусе, — показывал Пестель, — много людей из бывшего Семеновского полка, которые неудовольствие свое личное разделяли с полками и тем приготовили оные ко всем предприятиям». Душой этой пропаганды среди семеновцев были все тот же Сергей Муравьев-Апостол и его ближайший сподвижник по тайному обществу М. П. Бестужев-Рюмин, оба в прошлом семеновские офицеры, пользовавшиеся горячими симпатиями нижних чинов. После расформирования полка солдаты на пять лет потеряли из вида своих любимых офицеров, но сквозь долгую разлуку пронесли былую привязанность к Муравьеву. Помнили и Бестужева, «еще портупей-прапорщиком, потому что он часто ходил под знаменами и, будучи молод, любил шутить с солдатами».

Первая встреча произошла, видимо, случайно. Батальон Муравьева направлялся на ученье. По пути им повстречались шедшие на приемку про-

вианта солдаты Саратовского пехотного полка и среди них несколько бывших семеновцев. Муравьев, признав одного из своих бывших сослуживцев, обменялся с ними несколькими общими фразами и пригласил после приемки провианта зайти к нему. Встреча эта положила начало напряженной пропагандистской работе заговорщиков в Житомирском районе.

Настроение семеновских солдат ко времени встречи с Муравьевым уже в значительной степени успело отстояться. Если только отдельные семеновцы являлись законченными революционерами, то вся масса этих недавних мятежников была глубоко заражена духом недовольства и жаждой перемен. Приравненные к штрафным солдатам и осужденные служить бессрочно, они сознавали себя гонимыми, жертвами. А мятежный дух, зароненный в них пять лет назад, естественно, выдвигал их в первые ряды среди новых однополчан, чему, конечно, немало способствовало и их гвардейское прошлое, столичные навыки и общее развитие.

Пользуясь большим и неоспоримым влиянием в тех армейских полках, по которым их рассеяло правительство после волнения 1820 г., семеновцы сохраняли некоторую обособленность и не совершенно растворялись в солдатской массе. Между собой они держали крепкую связь, о чем можно судить по той быстроте, с которой облетела всех их весть о том, что Сергей Муравьев находится в лагере.

«По мере того, как семеновские солдаты узнавали, что С. Муравьев в лагере, они к нему приходили, — показывал Бестужев-Рюмин.—Все изъявляли величайшее негодование; мы же им говорили, что если у них духу станет, то их участь

скоро переменится», и при этом наставляли их ждать сигнала к началу действий, когда им предстояло делать, «что нами приказано будет».

Классовая природа южных заговорщиков определила и характер их солдатских внушений». Свою агитацию они строили всецело на профессиональных солдатских и экономических нуждах нижних чинов. Политические цели революции должны были быть возвещены солдатам в самый момент возмущения. Но семеновцы оказались настолько политически зрелы, что и сами уразумели смысл эти «внушений». Один из наиболее выдающихся семеновских пропагандистов, солдат Федор Анойченко, на следствии показывал: «Мы обещались склонять прочих нижних чинов, лучших в полку, чтобы и они пристали к его, Муравьева, д е л у, которому он, однакоже, названия никакого не давал, но я, как и все без исключения семеновские нижние чины 8-й пехотной дивизии, знавшие то же самое через Муравьева, понимали, что это должно клониться к бунту против царской власти».

За время лагерного сбора чуть ли не все семеновцы перебывали у Муравьева. С его слов Пестель сообщал В. Л. Давыдову, что С. Муравьев склонил на сторону тайного общества несколько сот солдат. Замечательно, что в этой солдатской массе не нашлось ни одного предателя, ни одного доносчика. Семеновцы оказались надежным революционным ферментом. В пехотных полках семена мятежа должны были принести богатые всходы, ибо семеновские солдаты вели дело как опытные агитаторы, действуя настойчиво и неотступно убеждением, уговорами, ссылками на товарищескую солидарность, даже угрозами и насмешками. Муравьевская «зараза» через них просачивалась в самую толщу солдатской массы.

М. Н. Покровский, анализируя движущие силы солдатского брожения, замечал, что «семеновские солдаты были не просто защитниками солдатских интересов... это были люди распропагандированные, люди политически сознательные настолько, что на них могло опираться все движение на юге».

История семеновцев крайне поучительна. На их примере мы можем проследить, как под влиянием разложения феодально-крепостнического строя, под влиянием крестьянских волнений, которыми охвачена была вся страна (а мы помним, что солдаты были теми же крестьянами, только в казенных мундирах), на протяжении всей четверти века полк избранных царских преторианцев превратился в революционное бродило среди солдат феодальной монархии, а 16 октября 1820 г. стало памятной исторической революционной датой.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

Цена 60 коп.

Об. Экз.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Магазину Издательства Политкаторжан

Москва, центр, Петровка, 7; телефоны 4-18-12 и 3-63-20